

Σ 45
307

С. В. Бахрушинъ.

Москва въ 1812 году.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА—1913.

Дорогому Владимиру Ивановичу Пичете 9 апреля 19 10/V 38

С. В. Бахрушинъ.

Москва въ 1812 году.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ

МОСКВА—1913.

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Москвѣ суждено было сыграть выдающуюся роль въ событіяхъ 12-го года. Съ самаго начала войны къ ней стремились всѣ помыслы, надежды и желанья французской арміи, начиная съ императора и кончая послѣднимъ рядовымъ. Послѣ Бородинскаго боя судьба Москвы была рѣшена, и 2 сентября, въ ясный солнечный день, французы увидали съ Поклонной горы разстилавшуюся у ихъ ногъ „плѣнную" Москву.

Городъ, открывшійся глазамъ французовъ, былъ своеобразнымъ городомъ какъ по внѣшнему виду, такъ особенно по внутреннему быту.

Москва уже въ то время была большимъ городомъ, обнимавшимъ „дистанцію огромнаго размѣра". Спутникамъ Наполеона она представлялась болѣе значительной, чѣмъ всѣ большіе города, какіе они видѣли, во всякомъ случаѣ не меньше Парижа [1]), Накануне нашествія она насчитывала болѣе 280.000 жителей. Выросши исторически на склонахъ Кремлевскаго и прилежащихъ холмовъ она, представляя изъ себя „цѣлое море кривыхъ и узкихъ улицъ" немощеныхъ или плохо мощеныхъ, цѣлую сѣть закоулковъ и переулковъ, обстроенныхъ причудливыми узорами зданій—„исполинскій городъ, построенный великанами, башня на башнѣ, стѣна на стѣнѣ, дворецъ возлѣ дворца" [2]). Надъ этимъ лабиринтомъ господствовалъ Кремль съ его стѣнами и башнями, съ его златоверхими соборами, съ его запущенными дворцами и теремами, среди которыхъ выступали яркостью свѣжихъ красокъ и рѣзкими контурами лже-готики новыя зданія Вознесенскаго монастыря, дань увлеченію романтикой и памятникъ вкуса тогдашняго начальника Кремлевской Экспедиціи—Валуева [3]).

Къ Кремлю примыкалъ, ютясь на краю Кремлевскаго рва, едва-ли не самый своеобразный уголокъ Москвы—торговый городъ, средоточіе московской торговли— гостиные дворы, куча „безобразныхъ лабазовъ, окруженныхъ всякою нечистотою", хлѣбныхъ избъ, калачныхъ, блин-

---

[1]) См. Brandt, Roos, Surugue, Bourgogne, Ц. Ложье и др.

[2]) Батюшковъ, Прогулка по Москвѣ.

[3]) Отзвуки 1812 и 1813 гг. въ письмахъ къ Волковой (Введеніе).

ныхъ и харчевенъ [1]). Уже въ то время Москва по своему центральному положенію имѣла большое торговое значеніе, была „центромъ русской промышленности и внутренняго торга, обширнымъ складочнымъ мѣстомъ туземныхъ товаровъ“ [2]). Французы съ изумленіемъ говорятъ о магазинахъ, содержавшихъ въ себѣ богатства Европы и Азіи. Это былъ особый міръ, поражавшій иностранцевъ „азіатскимъ покроемъ пышныхъ одѣяній купцовъ, греческими костюмами простонародья, ихъ длинными бородами“; они говорятъ о своеобразномъ азіатскомъ характерѣ рядовъ, гдѣ передъ ними раскладывались сибирскіе мѣха, индійскія ткани и другіе товары роскоши, а на ряду съ ними тянулись хлѣбные магазины, сосредоточивавшіе всю торговлю черноземной Россіи [3]). Отсюда текли тѣ милліоны, о которыхъ говорилъ Растопчинъ. Эта торговая Москва еще не завоевала себѣ того положенія, какое она пріобрѣла во второй половинѣ столѣтія; она жила своей особой жизнью, полу-азіатской, чуждой не только иностранцамъ, но и русскимъ верхамъ, которые со смѣшаннымъ чувствомъ удивленья и снисхожденья, порой граничавшимъ съ презрѣніемъ, со стороны глядѣли на нее. Эту подпольную купеческую Москву съ ея стародавней культурой, съ ея своеобразнымъ бытомъ, съ кулачными боями и съ травлями медвѣдей заслоняла другая, господствующая дворянская Москва, и ея лабазы и лавки исчезали за изящными формами дворянскихъ дворцовъ. Дворянскіе дворцы съ бѣлыми колоннами, окруженные садами, парками, многочисленными службами, флигелями, музыкантскими, кухнями, кладовыми, банями, теплицами, въ которыхъ взращивались ананасы и персики, цѣлыя помѣщичьи усадьбы, закинутыя внутрь города, продуктъ широкой помѣщичьей культуры, не знавшей границъ потребностямъ, воспитывавшей широту вкусовъ и построекъ—были едва-ли не самой типичной частью Москвы. Рядомъ съ купеческой Москвой эти дворцы, сколокъ европейской архитектуры, подражанье европейскому комфорту и европейскимъ вкусамъ, придавали городу характерный для него видъ „страннаго смѣшенья древняго и новѣйшаго зодчества, нравовъ европейскихъ съ нравами восточными“ [4]) и вмѣстѣ съ тѣмъ рисовали вопіющую картину той пропасти, соціальной и культурной, которая существовала между правящимъ сословіемъ и народомъ, пропасти, которая создалась исторически. Въ странѣ, гдѣ „роскошь, — по остроумному замѣчанію Сегюра [5]), — появилась не какъ слѣдствіе промышленнаго процвѣтанія, но предшествовала ему“, гдѣ всѣ соки уходили на поддержаніе одного сословія, это было неизбѣжно. Перемежаясь съ жалкими, крытыми дранкой лачугами и сараями,

[1]) Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., собр. и изд. Щукинымъ, ч. IV.
[2]) Surugue.
[3]) Зап. Сталь въ Рус. Арх. 1912 г., Зап. де Флиза и др.
[4]) Батюшковъ.
[5]) Записки.

палаты дворянъ громко говорили о тѣхъ соціальныхъ противорѣчіяхъ, которыя находили себѣ почву въ Москвѣ, этомъ „жилищѣ роскоши и нищеты“, гдѣ „особенно властно царило неравенство“ [1]). Эти полторы тысячи дворцовъ господствовали изъ глубины своихъ садовъ надъ прочей Москвою, подавляли ее своей громадой, ослѣпляли своимъ внѣшнимъ блескомъ, выражая ея характерную особенность. Москва, „разнообразная, пестрая и причудливая, какъ сама природа“ [2]) — въ концѣ концовъ была „дворянскимъ городомъ“ [3]), „была, собственно говоря, общей резиденціей всего русскаго дворянства“ [4]), долгое время являясь сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Каждое семейство имѣло здѣсь свой домъ, какой-нибудь чистенькій деревянный особнякъ въ Замоскворѣчьѣ, съ широкимъ дворомъ, обсаженнымъ сиренью и акаціей, съ запущеннымъ садомъ, съ заросшими дорожками, съ десяткомъ одичалыхъ яблонь и съ неизбѣжными кустами малины. Наиболѣе зажиточные пріобрѣтали имѣнья подъ Москвой, проводя зиму въ Москвѣ, а часть лѣта въ ея окрестностяхъ. Туда пріѣзжали, чтобы веселиться, чтобы жить съ своими близкими, съ родственниками, и современниками. Дѣтямъ давали тамъ приличное воспитаніе и пользовались преимуществами жизни, которыя только и представлялись столицей. Каждый годъ, поэтому, въ декабрѣ, помѣщики всѣхъ сосѣднихъ губерній со всѣмъ семействомъ на собственныхъ лошадяхъ перекочевали въ Москву; имъ предшествовали на крестьянскихъ лошадяхъ обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ [5]).

Блескъ этому дворянскому съѣзду придавало присутствіе представителей стараго родовитаго россійскаго дворянства. Москва могла гордиться пребываніемъ цѣлаго ряда вельможъ, сошедшихъ съ поприща государственной дѣятельности, покончившихъ свои расчеты съ Петербургомъ и со службой и доживавшихъ свой вѣкъ въ Москвѣ, этомъ убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора. Усталые отъ интригъ, недовольные правительствомъ, потерпѣвшіе крушенія на рифахъ дворцовой жизни искали здѣсь тихой пристани, но не одни опальные или недовольные покидали службу; были люди, говоритъ Вяземскій, которые, достигнувъ нѣкотораго чина и нѣкоторыхъ лѣтъ, оставляли добровольно служебное поприще, жили для семейства, для управленія хозяйствомъ своимъ, для тихихъ и просвѣщенныхъ радостей образованнаго общества. Такимъ образомъ, Москва дѣлалась средоточіемъ „дѣйствующихъ лицъ, со сцены сошедшихъ“, здѣсь „живали отстав-

---

1) Батюшковъ, Сегюръ и др.
2) Батюшковъ.
3) Зап. Вигеля, Сегюра.
4) Surugue.
5) Зап. Вигеля, Растопчина, Кологривовой и др.

ные правительственные дѣятели, вельможи, министры, между прочимъ, и отставныя красавицы, фрейлины Екатерины I", по выраженію Грибоѣдова „живая лѣтопись прежнихъ царствованій", и офиціальнымъ торжествамъ придавали небывалый блескъ Екатерининскіе мундиры съ разноцвѣтными обшлагами, красные камзолы съ золотыми позументами, груди усыпанныя брилліантами [1]), Независимость положенія этихъ бывшихъ людей, ихъ знанія и опытъ, ихъ связи и богатство давали имъ вѣсъ и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Превратившись изъ дѣйствующихъ актеровъ въ нетерпѣливыхъ зрителей, строгихъ цѣнителей чужой игры, они заставляли бояться своихъ сужденій, и прислушиваться къ своему мнѣнію. Таковы были верхи дворянства, сосредоточеннаго въ Москвѣ.

Залъ Московскаго Благороднаго Собранія, „весь бѣлый, весь въ колоннахъ отъ яркаго освѣщенія весь, какъ въ огнѣ горящій", и являлся своеобразнымъ „форумомъ" россійскаго дворянства, центромъ, вокругъ котораго объединялась разношерстная и пестрая дворянская масса. Здѣсь встрѣчались безъ различія чиновъ и состояній представители перваго сословія, отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянина, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты, чувствуя одной большою семьею, здѣсь у подножія статуи Екатерины, этого мраморнаго кумира дворянской вольности, дворянская семья и объединялась въ одно могучее цѣлое, сильное общностью своихъ сословныхъ интересовъ [2]). Это положеніе Москвы, какъ центра правящей части общества, придавало ей особенное значеніе, къ ея голосу прислушивались, съ ней считались въ провинціи и даже въ Петербургѣ. Голосъ Москвы былъ голосомъ большей части дворянства. „Москва, — пишетъ Вигель, — имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство. Москва подавала лозунгъ Россіи"; по выраженію Растопчина, она служила „регуляторомъ, маякомъ общественнаго мнѣнія, источникомъ электрическаго тока". Это отлично знали въ Петербургѣ: „въ Москвѣ, — писала великая княгиня Екатерина Павловна, — проживаютъ дворяне всѣхъ губерній, энтузіазмъ (отсюда) распространится по всей Россіи" [3]). Поэтому правительство съ особенною бережностью относилось къ Москвѣ. За ней ухаживали: московскаго генералъ-губернатора окружали пышностью, льстившей самолюбію чванныхъ москвичей; о каждой побѣдѣ въ Москву посылались особые курьеры съ рескриптами, лестными для старой столицы; съ ея мнѣніемъ считались въ вопросахъ государственной важности [4]). Когда въ 1809 году явилась не-

---

[1]) Вяземскій (соч. т. VII), Вигель, Пушкинъ, (въ статьѣ: „Москва").

[2]) Зап. Вигеля, Вяземскій (соч. т VII) и. др.

[3]) Цитир. по статьѣ Попова: „Французы въ Москвѣ въ 1812 г." (въ Рус. Арх. 1875—1876 гг.).

[4]) Зап. Растопчина.

обходимость вводить новые налоги, то Государь поѣхалъ въ Москву, чтобы „успокоить московскую знать“ [1]).—„Что скажетъ Москва?“ было первою мыслью и у императора и у окружавшихъ его лицъ при всякомъ серьезномъ начинаніи [2]). Это придавало особенное значеніе общественному мнѣнію Москвы, „сужденіямъ московской уголовной публики“, которую такъ трудно бывало „уконтентовать“ [3]). Каждый „Московской фабрики слухъ вредный и пустой“ выражалъ чаянья дворянства, и къ нему приходилось прислушиваться. По выраженію Вяземскаго, „изъ Петербурга истекали мѣры правительственныя, но способъ понимать, оцѣнивать ихъ, судить о нихъ, но нравственная ихъ сила были въ Москвѣ“. Такимъ образомъ Москва сдѣлалась средоточіемъ общественнаго мнѣнія дворянства.

Это общественное мнѣніе носило совершенно опредѣленный характеръ. Здѣсь господствовалъ „легкій оппозиціонный духъ“, какъ выражается Вигель. У Москвы была своя политическая окраска; она была своеобразно консервативна. Ея идеалы лежали въ царствованіи Екатерины, и затѣи „молодыхъ головъ“ въ началѣ царствованія Александра вызывали въ Москвѣ сильное неудовольствіе. Кормившаяся крѣпостнымъ правомъ, она была враждебна всякимъ попыткамъ его ограничить; во внѣшней политикѣ она суевѣрно боялась всякаго сближенія съ революціонной Франціей. Это не мѣшало ей быть по своему либеральной, „потакать всякаго рода маленькому своеволію“; она не любила Павла и не подчинялась ему и по отношенію къ Александру держалась самостоятельно. [4]) Присутствіе въ ней тѣснаго круга лицъ, независимыхъ по своему положенію, самостоятельныхъ въ жизни и сужденіяхъ, позволяло этому политическому настроенію выражаться открыто, дѣлало изъ Москвы своего рода „республику“, какъ ее величали еще со времени Екатерины. Здѣсь не стѣснялись рѣзко судить о правительствѣ, возмущаться произволомъ [5]), негодовать на „петербургскихъ злодѣевъ“, продающихъ русскій народъ. Всякая[6]) попытка наложить руку на вольность этой республики вызывала съ ея стороны отпоръ. „Сколь скоро самодержавіе,“ пишетъ Вигель [7]): вздумаетъ слишкомъ распрямить своенравную старушку, она закричитъ голосомъ тысячи вратей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однако-же безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ“. Своевольная, независимая Москва, являлась, такимъ образомъ, очагомъ дворянскаго вольномыслія, своеобраз-

[1]) Дневникъ Коленкура въ „Рус. Арх.“ 1903 г.

[2]) То-же.

[3]) Переп. Растопчина съ Циціановымъ (XIX вѣкъ Бартенева).

[4]) Зап. Сегюра, Растопчина, Вигеля и др. Дневникъ Коленкура въ Рус. Арх. 1903 г.

[5]) См. письма Мордвинова (Р. А. 1912).

[6]) Письма Волковой.

[7]) Записки, I, 169.

ной цитаделью сословой оппозиціи. Государи поэтому недолюбливали старую столицу и неохотно ее посѣщали.

Сосредоточеніе дворянства въ Москвѣ налагало не только на политическій обликъ ея, но и на всю жизнь столицы неизгладимый „отпечатокъ", дѣлая изъ нея центръ дворянской культуры, матеріальной и духовной. Въ Москвѣ эта культура достигла высшаго своего расцвѣта и самаго утонченнаго развитія. Москва жила для этой культуры, существовала для нея. Для нуждъ дворянства, лишеннаго возможности воспитывать своихъ дѣтей дома, еще въ XVIII в. былъ созданъ Московскій университетъ; для нихъ же былъ открытъ и Благородный пансіонъ при немъ, и Екатерининскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, и всѣ тѣ частные пансіоны, которые содержались иностранцами исключительно для воспитанья молодыхъ дворянъ изъ провинціи, и самая система воспитанья въ этихъ дворянскихъ учебныхъ заведеньяхъ въ значительной мѣрѣ строилась на основаньяхъ, отвѣчавшихъ привычкамъ тѣхъ слоевъ дворянскаго общества, которые каждое изъ нихъ обслуживало. Для бѣдной братіи воздвигали богатые представители сословія свои больницы и странноприимные дома, хорошее устройство которыхъ удивляло французовъ [1]). Даже торговля регулировалась нуждами и вкусами дворянства. Рядомъ съ торговымъ Городомъ, за чертою Китая, возникъ новый торговый кварталъ, имѣвшій цѣлью удовлетворить тѣмъ потребностямъ дворянскаго вкуса, которыя не находили пищи въ примитивной торговлѣ Рядовъ, — Кузнецкій мостъ съ французскими магазинами, съ модами, съ нарядныхъ блескомъ „книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ", откуда по всѣмъ медвѣжимъ угламъ дворянской провинціи распространялись предметы иностранной культуры. Но и вся вообще торговая физіономія Москвы опредѣлялась экономическою жизнью дворянства. Подмосковный промышленный районъ былъ въ значительной мѣрѣ въ рукахъ богатыхъ дворянъ-предпринимателей, а главный предметъ торговли Москвы—хлѣбъ—поставлялся исключительно дворянскими вотчинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва являлась культурнымъ центромъ высшаго сословія, и вокругъ нея сплеталась духовная жизнь дворянства. Въ Петербургѣ дворяне служили, въ своихъ имѣньяхъ они хозяйничали и копили деньгу; въ Москвѣ они спѣшили использовать для своего удовольствія тѣ выгоды, которыя давали имъ ихъ положенье въ государствѣ и ихъ средства. Здѣсь они тратили деньги, здѣсь они давали широкій просторъ своимъ вкусамъ и духовнымъ потребностямъ. Эти потребности нерѣдко выражались въ грубыхъ формахъ, въ роскоши, въ внѣшнемъ блескѣ. Московскіе выѣзды: „карета золотая, лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ стая" [2]), пресловутое московское хлѣбосоль-

[1]) Записки де-Флиза.
[2]) Стих. кн. Долгорукова.

ство, „ce besoin des seigneurs Russes“ [1]), отворявшее двери для званыхъ и незваныхъ, пиры, „подобные пирамъ 1.001 ночи“ [2]), когда сосѣднія улицы бывали запружены экипажами—„цуги, цуги и цуги“, и музыка „эскосезъ и а ля грекъ“ разносилась по всему кварталу [3])—все это характеризовало тѣ потребности, которыя были взрощены въ кругу родовитыхъ московскихъ тузовъ. Но эти-же потребности выражались и въ коллекціяхъ художественныхъ произведеніи искусства, въ громадныхъ библіотекахъ, вродѣ Бутурлинской, въ удовлетворени очень тонкихъ и воспитанныхъ вкусовъ, въ созданіи чрезвычайно изящной культуры, правда ограниченной небольшимъ сословнымъ кругомъ, но зато достигавшей въ этомъ тѣсномъ кругу особенно тщательной отдѣлки. Всѣ силы ума и изощреннаго вкуса, которыя питались дворянствомъ, нашли себѣ проявленье въ Москвѣ. Въ Московскомъ обществѣ „блестящая сторона утственной жизни была во всей силѣ и процвѣтаніи“, въ немъ „любознательность, вкусъ, потребность въ умственныхъ наслажденіяхъ были пробуждены и тонко изощрены“, являясь дополненьемъ къ изяществу внѣшней культуры [4]). Это общество жило литературными интересами. „Изящная текущая словесность“, пишетъ Вигель: почти исключительно въ Москвѣ имѣла своихъ выборныхъ и верховныхъ дѣятелей; Россія училась говорить и писать по русски по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Петербургъ коснѣлъ въ старомъ слогѣ. Москва развивала и преподавала новый“. Это московская словесность, изобиловавшая талантами, отличавшаяся „любезностью и нѣжностью“, въ противоположность петербургскому „варварству“ родилась въ дворянскомъ кругу, и напоминала благовоспитанность этого круга; а центромъ ея являлась подмосковная кн. Вяземскаго—Остафьево.

Во всей своей совокупности Москва, какъ средоточіе политическаго могущества и культуры высшаго сословья, являлась своего рода дворянскимъ эдемомъ, центромъ, куда стремились ихъ помыслы. Свободная привольная жизнь въ Москвѣ, легкая служба („сколько въ Москвѣ мѣстъ“, восклицаетъ Вигель, гдѣ служба продолжительный, пріятный сонъ,—Кремлевская экспедиція, почтамтъ, опекунскій Совѣтъ“, къ которымъ можно прибавить архивы) избаловала москвичей, они отъ души любили „этотъ чудный городъ, ни на какой другой непохожій“, любили Москву, „какъ женщину старую, добрую, умную, веселую, хотя съ большими капризами“, и для многихъ, „спокойно кончить въ ней жизнь сдѣлалось постоянной мечтою“. [5]) Москва и жила своей обособленной жизнью, мало заботясь о томъ, что происходитъ въ Европѣ, не считаясь съ мнѣньемъ о себѣ Петербурга, сознавая свое нравствен-

---

[1]) Письмо Фабера у Щукина (Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г.).
[2]) Зап. г-жи де Сталь въ Рус. Арх. 1912.
[3]) Дневн. Жихарева.
[4]) Кн. Вяземскій, соч. т. VII.
[5]) Зап Вигеля. Ср. „Горе отъ ума“.

ное и культурное превосходство надъ нимъ [1]. Веселая и своеобразная дворянская республика и въ 1812 году ничѣмъ не нарушала своей обычной жизни, не подозрѣвая той судьбы, которая ей грозила.

Москвичи заканчивали обычный сезонъ баловъ, семейныхъ обѣдовъ и праздниковъ на дачѣ; этотъ сезонъ былъ особенно веселымъ, много танцовали. „Зиму 1812 года, — пишетъ одна современница [2],— провели мы, какъ и всегда, на балахъ, концертахъ благородныхъ спектакляхъ. Весело промчалась зима, и помину тогда не было о политикѣ, развѣ, играя въ бостонъ, партнеры шепотомъ изъявляли негодованіе на Тильзитскій миръ да изумлялись исполинскимъ успѣхамъ Наполеона. Но никто не тревожился за сильную и непобѣдимую Россію, тѣмъ менѣе за ея столицы. Прошла весна такъ же весело въ пикникахъ и гуляньяхъ“. Появленіе французскихъ войскъ на русской территоріи вызвало недоумѣніе: „да что же Наполеонъ съ ума что ли сошелъ. Покорить Россію что ли хочетъ“ [3]. Но все это было такъ далеко. „Я еще разъ завидую московскимъ жителямъ,—писалъ Батюшковъ 1-го іюля,—которые такъ покойны въ наше печальное время, и я думаю, какъ басенная мышь, говоритъ сложивши лапки: чѣмъ грѣшная, могу помочь?“ [4] Словомъ „довѣренность безмятежная обладала умами“ [5].

Война представлялась отдаленной, ни чѣмъ не отличающейся отъ предыдущихъ войнъ съ Наполеономъ, о ней говорили, какъ о чемъ-то постороннемъ: „Мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце“, говоритъ кн. Вяземскій [6].

Внезапный пріѣздъ Государя въ Москву 11 іюля, обставленный какою-то таинственностью, раскрылъ глаза Москвѣ; почувствовалось до извѣстной степени сознаніе важности момента. Государь пріѣхалъ озабоченный, печальный. Его пріѣздъ въ Москву имѣлъ громадное принципіальное значеніе; онъ означалъ поворотъ въ его политикѣ, отказъ отъ всѣхъ тѣхъ начинаній, которыми ознаменовалось начало его царствованія и которыми онъ оттолкнулъ отъ себя дворянство; незадолго передъ тѣмъ къ ликованію Москвы онъ пожертвовалъ мнѣнію избраннаго сословія Сперанскаго, этого типичнаго представителя александровскаго либерализма; теперь, сознавая всю трудность своего положенія, онъ ѣхалъ мириться съ дворянствомъ въ столицу этого дворянства—въ Москву, болѣе того, искалъ у него помощи для войны со страшнымъ врагомъ. Онъ рѣшился не безъ колебанья на шагъ, который по выраженію Растопчина, „не могъ не быть тяжелъ для каж-

---

1) См. Письма М. А. Волковой къ Ланской.
2) Кологривова (Рус. Арх., 1890).
3) Зап. Растопчина.
4) Собр. сочиненій.
5) Глинка.
6) Восп. о 12 годѣ.

даго государя“, не полновластнымъ владыкою являлся онъ въ Москву, а просителемъ, не съ приказаніемъ на устахъ, а „съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбою“, какъ говоритъ Хомутова, онъ искалъ поддержки и нравственной и матеріальной. Москва откликнулась съ небывалымъ энтузіазмомъ. При выходѣ Александра изъ дворца въ соборъ, Кремль былъ наполненъ народомъ, его обступили, на каждой ступени Краснаго Крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали ихъ со слезами, его затолкали; окружавшіе его генералъ-адъютанты съ трудомъ проталкивались въ толпѣ, чтобы дать ему дорогу.—„Не троньте ихъ, не троньте, я пройду“, говорилъ онъ, и медленно увлекаемый „быстрымъ приливомъ народа“ то въ одну, то въ другую сторону, по временамъ вынужденный останавливаться, пробирался онъ къ собору, кланяясь на обѣ стороны. На слѣдующій день при пріемѣ дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ—подъемъ былъ не меньше. Дикія выраженія патріотическихъ чувствъ купцами поразили даже Растопчина и растрогали Государя [1]).

Но за всеобщимъ энтузіазмомъ уже чувствовалось какое-то смутное ощущеніе чего-то страшнаго. Это чувство тревоги выразилось и въ паникѣ, охватившей толпу въ Кремлѣ, когда чернь при первомъ слухѣ о насильственномъ наборѣ ратниковъ, ринулась вонъ, и Кремль сразу опустѣлъ [2]), и въ рѣчи Глинки въ залѣ Дворянскаго Собранія на тему о скорой сдачѣ Москвы, и въ попыткахъ нѣкоторой части дворянъ использовать моментъ и предварительно поставить Государю нѣсколько вопросовъ о положеніи дѣлъ и, наконецъ, въ тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя счелъ нужнымъ принять Растопчинъ, чтобъ положить предѣлъ этимъ толкамъ, въ тѣхъ кибиткахъ, которыя уже были готовы для высылки недовольныхъ [3]).

15 іюля Государь уѣхалъ успокоенный и радостный. Съ отъѣздомъ его жизнь въ Москвѣ опять вошла въ свою колею, настроеніе улеглось; „съ отбытіемъ Его Величества на брега Невы,—пишетъ Глинка,—полетъ душъ осѣкся; Москва смолкла въ Москвѣ... не было страха, не было трепета“, шла обычная „суетливость жизни и о жизни“[4]). Слухи о войнѣ больше напугали „черный народъ“, и послѣ отъѣзда Государя началось бѣгство простонародья, бѣжали не отъ Наполеона, а отъ русскаго правительства, спасались не отъ французскаго нашествія, а отъ рекрутскаго набора [5]). Между тѣмъ, дворянская молодежь

---

[1]) Записки гр. Комаровскаго, Растопчина, Глинки и др. (См. также Рус. Стар. 1912 № 7).

[2]) Записки Маракуева (Сб. „Пожаръ Москвы I, 20).

[3]) Зап. Растопчина, зап. Глинки.

[4]) Зап. Глички.

[5]) Зап. Маракуева (въ Сб. „Пожаръ Москвы“ I, 21): „13-е поутру мы выѣхали изъ Москвы и видѣли недалеко отъ Москвы толпы мужиковъ изъ нея ушедшихъ. Они спрашивали насъ, что дѣлается въ Москвѣ, и не берутъ-ли въ солдаты?“

записывалась въ добровольный полкъ Мамонова, рядилась въ военные мундиры; по понедѣльникамъ на гуляньѣ на бульварахъ молодые люди щеголяли передъ своими недавними дамами по танцамъ въ какихъ-то рыцарскихъ каскахъ и шляпахъ съ пѣтушьими перьями [1]).

Война все еще казалась очень далекой. Перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ успокоилъ Москву; она была спокойна, пока наши арміи, соединившись подъ Смоленскомъ, пребывали въ бездѣйствіи. Обыватели льстили себя надеждою, что кампанія окончена. Этой увѣренности способствовали преувеличенныя представленья о силахъ русской арміи; въ Москвѣ публика полагала, что ея на лицо до 400 тыс. [2]). Настроеніе Москвы отражалъ московскій генералъ-губернаторъ гр. Растопчинъ, еще въ началѣ августа искренно убѣжденный въ невозможности захвата столицы врагами [3]). Гораздо болѣе занятый партизанской войной съ общественнымъ мнѣніемъ строптивой Москвы, чѣмъ развязкой войны съ французами, онъ проводилъ вечера и ночи въ салонахъ кн. Хованскаго, погружаясь въ любезный ему омутъ мелкихъ сплетенъ и салонныхъ интересовъ, забывая среди нихъ свои непосредственныя обязанности [4]).

При такомъ настроеніи вѣсть о паденіи Смоленска „огромила Москву". „Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: открыты ворота къ Москвѣ" [5]). Дѣйствительно, Смоленскъ, по выраженію Кутузова, былъ ключомъ къ Москвѣ.

Паника охватила столицу, сначала, впрочемъ, только высшее сословіе; изъ Москвы началось бѣгство. Никто не могъ отдать себѣ никакого отчета въ событіяхъ: „извѣстіе поразило чрезвычайно" [6]). Боялись не одних французовъ, ждали съ ужасомъ волненій среди черни и крѣпостныхъ, повторенія Пугачевщины, безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ; „возопили о небезопасности пребыванія въ Москвѣ. Упорно говорили, что ночные удальцы ждутъ только случая, чтобы поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и „ухнуть на добычу и на грабежъ". Распространенію такихъ слуховъ способствовалъ гр. Растопчинъ, который и самъ вѣрилъ въ возможность всякихъ ужасовъ, приказалъ перерѣзать веревки у колоколовъ и запереть колокольни во избѣжаніе набата [7]).

При такихъ обстоятельствахъ начался выѣздъ дворянъ и зажиточныхъ людей изъ Москвы.

---

1) Зап. Кологривовой.
2) Зап. Растопчина.
3) Письмо Растопчина Багратіону отъ 12 авг. 1812 г.
4) XIX вѣкъ Бартенева, II, 283.
5) Зап. Глинки.
6) Письмо Растопчина Багратіону отъ 12 авг. 1812 г.
7) Зап. Растопчина, Глинки.

„Съ минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстно въ Москвѣ, пишетъ Растопчинъ, многія лица рѣшили уѣхать оттуда, другія же удовольствовались тѣмъ, что держали своихъ лошадей наготовѣ“ [1]).

Рѣшительно выѣзды и отправки начались съ 15 августа. „Окрестности Москвы могли-бы послужить „живописцу, пишетъ М. А. Волкова: образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и въ Ярославль“. Не хватало лошадей и цѣны на нихъ достигли баснословныхъ размѣровъ [2]). „Въ самый день, когда было получено извѣстіе о паденіи Смоленска“, пишетъ Нелединской— цѣны на наемныхъ лошадей поднялись вчетверо“ [3]). По мѣрѣ приближенія кризиса, эмиграція все усиливалась; число повозокъ, каретъ, бричекъ, калясокъ, выѣзжавшихъ въ заставы, доходило до 1.320 въ одинъ день, не считая кибитокъ [4]). Спѣшили выѣзжать, пока можно, уѣзжали почти тайкомъ, опасаясь заранѣе говорить о побѣгѣ, чтобы начальство не вздумало удержать. Всѣ окрестныя дороги заполнились обозами бѣглецовъ. Въ Ростовѣ проѣздъ продолжался 20 дней, улицы были затоплены проѣзжающими, ни въ самую полночь не было промежутка: одинъ конецъ обоза въ три или четыре ряда упирался у заставы, а другой, не пересѣкаясь, выходилъ за московскую [5]). Это было, по выраженію Батюшкова, „переселенье цѣлыхъ губерній“.

Ѣхали со страхомъ и печалью. „Горько оставлять Москву съ мыслью, что больше никогда не увидишь ея“, писала одна изъ отъѣзжающихъ [6]). Опасались мужиковъ, про которыхъ говорили, что они своихъ грабятъ; по тѣмъ же основаніямъ боялись солдатъ. Въ пути были тѣснота и суматоха, на переправахъ черезъ рѣки давка и безпорядокъ отъ безчисленнаго скопленія экипажей, иногда дожидавшихся сутокъ двое и больше очереди. Начальство, безъ котораго и тогда не умѣли обходиться въ Россіи, отсутствовало. Своеобразную картину представляли по ночамъ освѣщенные кострами бивуаки переселенцевъ [7]). Въ этомъ повальномъ бѣгствѣ, „не зная куда и зачѣмъ“, было много безсознательнаго, бѣжали изъ страха передъ неизвѣстностью, изъ невозможности представить Москву, себя подъ властью Наполеона. Начали бѣгство дворяне, купцамъ было труднѣе подняться, труднѣе бросить свои дѣла и имущество, и они крѣпились до послѣдней крайности. Простонародье не отдавало себѣ отчета въ происшествіяхъ. Начиная съ 18 августа, когда врагъ былъ уже въ Вязьмѣ, т. е. въ какихъ-

---

[1]) Зап. Растопчина.
[2]) Письма М. А. Волковой.
[3]) У Щукина. (Бумаги относ. до Отеч. войны 1812 г.).
[4]) Зап. Растопчина.
[5]) Зап. Маракуева.
[6]) Письма М. А. Волковой.
[7]) Зап. Маракуева, Глинки и др.

нибудь 220 верстахъ отъ Москвы, стали на скорую руку вывозить изъ Москвы казенное имущество: сокровища царскія изъ Оружейной палаты, соборную и патріаршью ризницы, сохранную казну Воспитательнаго дома; вывезли на-спѣхъ Екатерининскій институтъ, Благородный пансіонъ и другія учрежденія, и это бѣгство государственныхъ учрежденій еще болѣе пугало населеніе Москвы.

Въ это „смутное и суматошное время" многое зависѣло отъ личности Генералъ-губернатора. До тѣхъ поръ должность Московскаго главнокомандующаго была чисто почетнымъ постомъ для старика [1]); гланокомандующій здѣсь въ дворянской Москвѣ занималъ своеобразное положеніе „перваго среди равныхъ", держалъ открый дворъ и при извѣстномъ умѣньѣ легко поддерживалъ достоинство своего званья, т.-е., по выраженію Вигеля, заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ офиціальные обѣды и балы. Въ тотъ моментъ однако, когда выяснилось, что война неизбѣжно будетъ перенесена на русскую почву, приходилось позаботиться о выборѣ человѣка, на котораго можно было-бы возложить не одно только представительство. Александръ въ минуту опасности умѣлъ поступаться своими личными симпатіями и антипатіями и подчиняться голосу общественнаго мнѣнія. Подобно тому, какъ онъ призвалъ Кутузова, человѣка, котораго считалъ бездарностью, такъ и въ данномъ случаѣ онъ обратился къ бывшему любимцу Павла, гр. Ѳ. В. Растопчину, жившему до тѣхъ поръ вдали отъ дѣлъ, почти въ опалѣ, несмотря на непріязненныя чувства, которыя онъ питалъ къ нему не безъ основаній, болѣе того онъ вручилъ ему самыя широкія, хотя неопредѣленныя полномочія, въ пріѣздъ свой въ Москву демонстративно выказывалъ ему особенное свое довѣріе и расположенье и уѣхалъ, не давъ ему никакихъ руководящихъ указаній и распоряженій, предоставивъ ему самому распутываться какъ онъ знаетъ, почти въ виду Наполеоновой арміи. „Онъ уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ довѣріемъ, пишетъ Растопчинъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва" [2]). Гр. Ѳ. В. Растопчинъ, на долю котораго выпала тяжелая честь стоять во главѣ Москвы въ это трудное время, былъ своеобразнымъ человѣкомъ; администраторъ, воспитанный въ школѣ Павла, съ кипящей, хотя не всегда хорошо направленной энергіей, съ громадной самоувѣренностью, онъ самъ себя считалъ очень на мѣстѣ, и съ чувствомъ безпокойства у него смѣшивалось сознаніе своихъ администраторскихъ способностей. Новый хозяинъ Москвы былъ яркимъ представителемъ того переходнаго поколѣнія, которое перечувствовало и пережило глубокое разочарованіе въ принципахъ и въ міросозерцаніи своего вѣка, и это налагало на его характеръ какую-

---

[1]) Письма Растопчина къ Воронцову (Архивъ Воронц. VIII).
[2]) Записки.

то двойственность, создавало въ немъ внутреннее противорѣчье, которое красной линіей проходитъ черезъ всю его фигуру. Человѣкъ, и по воспитанію и по складу ума принадлежавшій къ XVIII в., онъ силой условій, впечатлѣній и интересовъ испыталъ на себѣ дѣйствіе рѣзкой реакціи, противъ раціоналистическихъ понятій, которыя нашли выраженье во Французской революціи, ушелъ въ сферу тѣхъ направленій, которыя были противоположны безсознательнымъ влеченьямъ его мысли. Отсюда то внутреннее противорѣчіе, которое мы отмѣтили въ его характерѣ. Галломанъ, весь проникнутый французской культурой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ французскую національность, какъ скоро вспоминалъ принципы, провозглашенные Французской революціей. Эта ненависть зиждилась на чисто сословныхъ интересахъ, которые не мирились съ французскимъ якобинствомъ; онъ со страхомъ ожидалъ момента, когда „желаніе получить такъ называемую свободу возмутитъ народъ къ погибели дворянства, единственной цѣли, къ которой чернь стремилась при всякихъ случаяхъ и возстаніяхъ. Такого рода людямъ, пишетъ онъ, служитъ примѣромъ Франція“.

Поэтому въ общественномъ быту онъ былъ непримиримымъ врагомъ французской культуры, носительницы соціальной заразы, громилъ ее въ своихъ многочисленныхъ памфлетахъ, въ каждомъ французѣ видѣлъ врага и шпіона, не останавливался ни передъ какими мѣрами жестокости, чтобъ запугать тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ Москвѣ, но это не мѣшало тому, что въ семьѣ онъ окружалъ себя французами: его дѣти воспитывались гувернерами французами; священникъ церкви св. Людовика былъ постояннымъ гостемъ въ его домѣ на Лубянкѣ, его жена была тайной католичкой; французская колонія видѣла въ немъ своего покровителя и привѣтствовала его назначеніе. Можно сказать, что онъ былъ галломаномъ, но ненавидѣлъ принципы революціи, и ненависть къ якобинцу переходила у него въ ненависть къ французу. Но, если какъ всѣ русскіе люди, видѣвшіе издали ужасы революціи, онъ боялся пагубнаго просвѣщенія („lumières funestes“) и ненавидѣлъ „мнимую“ философію XVIII в., то онъ не могъ избавиться отъ той дисциплины мысли, которая въ немъ была воспитана философскимъ міросозерцаніемъ предшествующаго столѣтія. Онъ былъ раціоналистъ чистѣйшей воды. Отсюда это пренебреженіе къ массамъ, къ этой „бѣдной толпѣ“, въ которой „дураковавые люди никогда не обрѣтаются въ меньшинствѣ“—отсюда твердая увѣренность, что „путемъ словъ и очень небольшой доли шарлатанства“, можно властвовать надъ массою, можно заставить себя любить и бояться больше, чѣмъ могъ того добиться Магометъ, этотъ прописной образецъ раціоналистической литературы XVIII ст.; отсюда сознательное стремленіе „прибѣгать къ разнымъ маленькимъ средствамъ для занятія и развлеченія умовъ въ народѣ“ [1]. „Тяжелая работа для ума“, восклицаетъ онъ,

[1]) Зап. Растопчина, егопереписка съ Воронцовымъ (Архивъ Воронцова, VIII).

придумывать, чѣмъ бы можно было производить впечатлѣніе на массы". Это пренебреженіе къ массамъ онъ распространялъ не только на простонародье, но и на высшее сословіе, на „праздную дворянскую сволочь" („la canaille oisive noble") [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своимъ соціальнымъ интересамъ никогда не отдѣлялъ себя отъ дворянства, прославлялъ его доблесть и вмѣстѣ со многими другими губилъ Сперанскаго, это олицетвореніе противодворянской политики начала царствованія Александра. Съ дворянствомъ его объединили слишкомъ тѣсныя узы; онъ ненавидѣлъ и презиралъ дворянскую Москву, эту несносную сплетницу, эту негодяйку (cette coquine de ville) [2]), но жилъ одними съ нею чувствами и интересами, опирался на ея мнѣніе, когда, напримѣръ, въ началѣ царствованія заговорили объ крестьянской свободѣ, „мысль о которой въ Москвѣ далеко не доставляла удовольствія". Это было понятно, дѣло шло о шкурномъ вопросѣ, который объединялъ Растопчина и ненавидѣвшую его и презираемую имъ московскую знать; „въ концѣ концовъ, — писалъ онъ, — всякому хочется жить" [3]).

Чувствуя себя постоянно на сценѣ, даровитымъ артистомъ, всегда гримирующимся, всегда готовящимъ слова роли (не даромъ онъ хвалился, что отлично владѣлъ пантомимой, такъ какъ въ молодости былъ хорошимъ актеромъ), онъ научился и въ другихъ видѣть лишь желаніе играть комедію и всюду искалъ и находилъ корыстные виды и притворство съ низкими цѣлями. Оффиціально восхваляя преданность дворянства отчизнѣ, онъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ эту преданность, чувствовалъ фальшь „красивыхъ словъ и жестовъ", подозрѣвая за ними „игру самолюбія", желаніе выслужиться „изъ-за чести быть приглашеннымъ къ высочайшему столу" [4]). „Всякій малодушный дворянинъ, всякій бѣжавшій изъ столицы купецъ и бѣглый попъ считаетъ себя, не шутя, Мининымъ и Пожарскимъ, потому, что одинъ изъ нихъ далъ нѣсколько крестьянъ, а другой нѣсколько грошей, чтобы спасти этимъ все свое имущество" [5]). Такъ доходилъ онъ до самаго глубокаго скептицизма въ отношеніи къ людямъ, къ полному презрѣнію къ русской націи, которую онъ при другихъ условіяхъ такъ ходульно возвеличивалъ. „Въ массѣ русскій народъ грозенъ и непобѣдимъ, — писалъ онъ Государю (пробуя примирить противорѣчивость въ своихъ взглядахъ),—но отдѣльныя личности весьма ничтожны" [6]). Приписывая громадное значеніе воздѣйствію на массы словомъ и уловками, онъ былъ склоненъ преувеличивать зна-

[1]) Письмо Растопчина къ Государю отъ 14 дек. 1812 г. (французскій текстъ письма у Щукина, ч. VII, 420).
[2]) XIX вѣкъ Бартенева, II, 278.
[3]) Архивъ Воронцова, VIII.
[4]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.; его Записки.
[5]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.
[6]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.

ченіе случайныхъ мелочей, всюду видѣлъ интригу, всюду видѣлъ козни; въ самыхъ невинныхъ словахъ онъ чуялъ опредѣленную цѣль, въ каждой пустой сплетнѣ искалъ автора и угадывалъ его намѣреніе. Всюду ему мерещился заговоръ: то ему представлялся почти наканунѣ вступленія Наполеона въ Москву „планъ столь же безумный, сколь ужасный, поднять революцію въ пользу великаго князя Константина Павловича“, то въ лицѣ растерявшихся московскихъ сенаторовъ онъ „отнималъ у Наполеона страшное орудіе, которое въ его рукахъ могло бы возбудить нерѣшительность и парализовать энергію во внутреннихъ областяхъ имперіи“ [1]). Во всемъ онъ склоненъ былъ видѣть руку тайныхъ агентовъ якобинства и мартинизма, подъ каковымъ общимъ названіемъ у него сливалось представленіе о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ. Въ его отношеніи къ мартинизму отражалась особенно ярко раціоналистическая складка ума. Убѣжденный, „что каждый человѣкъ, воспитанный въ извѣстной религіи долженъ жить и умереть въ ней“ [2])—онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ избавиться отъ слегка пренебрежительнаго отношенія ко всякой религіи, въ частности къ обрядности православія; а на мартинистскую секту смотрѣлъ не болѣе какъ „на оперную труппу и на толпу одураченныхъ людей“ [3]). Непріязнь его къ якобинству была глубже, основывалась на интересахъ соціальныхъ и уживалась съ консервативнымъ вольнодумствомъ, съ демагогическими пріемами, съ чисто московской рѣзкостью сужденій человѣка, для котораго не были святы самыя высшія божескія и человѣческія отношенія. Такъ переплетались въ немъ самыя противорѣчивыя свойства, націоналистическая и сословная страстность съ пріемами и привычками раціоналистическаго ума.

Таковъ былъ новый „московскій властитель“. Когда этотъ некрасивый мужчина „съ звѣрообразнымъ калмыковатымъ лицомъ“, съ ѣдкой насмѣшкой на устахъ, явился на горизонтѣ Москвы, ему обрадовались, „можетъ быть потому, что все новое нравится“, какъ писала Волкова, и стали къ нему приглядываться. Между тѣмъ, поддавшись своему воинственному темпераменту, онъ сразу сталъ въ заранѣе задуманную позу. Разыгрывая изъ себя новаго Магомета, онъ принялся за пантомиму, которой теперь придавалъ высокое государственное значеніе. Онъ хотѣлъ управлять не только Москвой, но и событіями; тутъ во весь ростъ проявилъ себя узкій и мелкій раціоналистъ; „онъ совершенно зналъ духъ непокорности дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки простого народа“; чтобы, „сжать тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей“ онъ считалъ нужнымъ „овладѣть ихъ умами и привести къ себѣ“ [4]). „Я употребляю всѣ усилія къ тому, чтобы за-

---

1) Записки Растопчина.
2) Переписка Растопчина съ Циціановымъ въ XIX вѣкѣ Бартенева.
3) Зап. Растопчина.
4) Слова Вигеля.

служить всеобщее благоволеніе,—писалъ онъ Государю[1]),—съ цѣлью быть какъ можно болѣе полезнымъ на службѣ и готовить умы настолько, чтобы ими воспользоваться въ случаѣ надобности“. Пріемы его дешеваго популярничанья были имъ заранѣе обдуманы: Москва была благочестива, и онъ сталъ служить молебны передъ чудотворными иконами и въ угоду старыхъ ханжей убралъ съ выставокъ въ гробовыхъ лавкахъ гробы. Москва не привыкла видѣть во главѣ себя человѣка энергичнаго, и два утра было, по его словамъ, для него достаточно, чтобы пустить пыль въ глаза и убѣдить москвичей въ томъ, что онъ неутомимъ и вездѣсущъ; онъ леталъ по Москвѣ, всюду вмѣшивался и оставлялъ слѣды своей справедливости или строгости. Двукратное посѣщеніе Иверской часовни, доступность для каждаго, произведенная провѣрка вѣсовъ, наконецъ 50 палокъ, данныхъ въ его присутствіи недобросовѣстному унтеръ-офицеру — этого было въ его глазахъ достаточно, чтобы заслужить довѣріе столицы[2]). Затѣмъ съ безпорядочной и безтолковой хлопотливостью, онъ принялся готовить Москву къ французскому нашествію. Всѣ силы своего изворотливаго и тонкаго, хотя неуравновѣшеннаго ума, онъ направилъ къ тому, чтобы найти въ Москвѣ крамолу и уничтожить ее. Онъ ее и нашелъ въ почтамтѣ, „началъ свое правленіе,—по язвительному выраженію Поздѣева —тѣмъ, что, пріѣхавъ къ почтмейстеру Ключареву и объявивъ императорскій гнѣвъ, не сказавъ причины, арестовалъ его и сослалъ въ Воронежъ“ [3]), обрѣлъ измѣну и въ селѣ Авдотьинѣ, гдѣ жилъ масонъ Новиковъ, въ письмѣ его эконома и въ расчетахъ его съ извощикомъ [4]), и даже въ мирной кремлевской экспедиціи, въ лицѣ ея начальника старика С. П. Валуева, и, наконецъ, въ Московскомъ отдѣленіи Сената [5]). Жертвой этой стороны дѣятельности графа былъ Верещагинъ.

Въ отношеніи къ простонародію Растопчинъ велъ еще болѣе сложную и опасную игру. Здѣсь онъ прибѣгалъ къ тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ воздѣйствія, которые такъ характерны для него, какъ раціоналиста. Удачный жестъ, будь то оплеуха, данная во время[6]), удачное слово—вотъ чѣмъ онъ думалъ властвовать надъ толпою. Типичнымъ для него средствомъ явились воззванія, знаменитыя его афишки, лубочныя картинки съ опредѣленной тенденціей, наконецъ, безграмотныя притчи, поддѣлки подъ церковную литературу. Онъ не гнушался обманомъ; онъ самъ разсказываетъ, какъ получивъ дурное извѣстіе, онъ сознательно искажалъ его, чтобы ободрить народъ; онъ шелъ даже на то, что сочинялъ и распространялъ извѣстія о религіозныхъ чуде-

---

[1]) Письмо отъ 11 іюля 1812 г.

[2]) Письмо Растопчина Государю отъ 11 іюля 1812 г.

[3]) Рус. Арх. 1872 г.

[4]) „Рус. Арх.“. 1866 г.

[5]) Зап. Растопчина.

[6]) Зап. Растопчина.

сахъ[1]). Всѣ эти уловки преслѣдовали опредѣленную цѣль. Онъ боялся соціальныхъ волненій—этого боялась вся Москва, и хотѣлъ предотвратить ихъ обычнымъ своимъ „шарлатанствомъ“. Поводовъ къ опасеніямъ было много. Наполеономъ было произнесено „очаровательное слово вольности“, и Растопчинъ, который не менѣе самого Наполеона вѣрилъ въ дѣйствительность словъ на массу, вмѣстѣ со всѣмъ подчиненнымъ ему дворянствомъ былъ запуганъ этимъ словомъ. Всю силу народной шаткости онъ и хотѣлъ теперь направить противъ французовъ, и тѣмъ сразу достичь двухъ цѣлей — вооружить народъ для борьбы съ иноплеменниками и отвлечь его отъ „коварныхъ обольщеній“. По тѣмъ же соображеніямъ онъ сознательно натравливалъ чернь на французовъ, жившихъ въ Москвѣ. „Живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь,— писалъ Глинка, ссылаясь на постоянное общеніе съ народомъ,—что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи... никакое слово ненависти и негодованія не исторгалось изъ устъ“ [2]), но проповѣдь Растопчина достигла своей цѣли, и онъ сумѣлъ разъярить чернь, потакая самымъ темнымъ ея страстямъ, дразня ее дикими сценами расправы съ иностранцами, возбуждая ее своими афишами. Эта демагогическая сторона дѣятельности Растопчина не ускользнула отъ наблюдательности современниковъ. Большинство находило слогъ его афишъ „пошлымъ и площаднымъ“, и этотъ „площадной языкъ черни казался дворянамъ не вовсе приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ“ [3]). Шаховской высказался опредѣленно: „не нахожу разъяренья черни средствомъ, свойственнымъ законному правительству“. Самъ онъ, подводя итоги своей дѣятельности въ эти горячіе мѣсяцы, главную заслугу свою видѣлъ именно въ этой ловкой политикѣ въ отношеніи къ черни; онъ считалъ, что его не оцѣнили въ Москвѣ „гдѣ многіе (ему исключительно) обязаны жизнью. Самый малый бунтъ распространился бы вездѣ, и я не знаю, кто бы тогда выгналъ Наполеона и гдѣ бы каждый очутился“ [4]). Въ первую минуту онъ сумѣлъ внушить такое убѣжденіе самимъ дворянамъ. Волкова видитъ Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ: „будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ что бы съ нами было теперь“. Въ болѣе спокойную минуту эту игру съ народомъ оцѣнивали иначе: „Надобно-ли было гр. Растопчину,— пишетъ Лубяновскій [5]),— опасаться въ общей тревогѣ возстанія черни и успѣлъ-ли бы онъ, какъ провозглашалъ, отвести ее отъ того прибаутками, онъ про то знаетъ, а повидимому ни у кого не было ничего похожаго на то и въ помышленіяхъ; скорѣе можно бы ожидать отъ черни своевольства отъ подстрекательства тѣми-же кол-

---

[1]) То же.
[2]) Записки Глинки.
[3]) Зап. Бестужева-Рюмина (Рус. А. 1866), Маракуева, Шаховского.
[4]) Рус. А. 1863.
[5]) Рус. А. 1872.

кими шутками". Такъ проходило время у Растопчина въ выискиванiи воображаемыхъ измѣнниковъ и въ не лишенной необрѣтательности игрѣ въ демагоги, а въ промежутки, сидя въ Москвѣ, онъ страстно желалъ влiять на ходъ военныхъ дѣйствiй, мирилъ Багратiона съ Барклаемъ де Толли [1]) и нетерпѣливо дожидался, когда, наконецъ, у него спросятъ совѣта о дальнѣйшемъ планѣ войны. Всѣмъ этимъ онъ былъ такъ занятъ, что проглядѣлъ моментъ сдачи Москвы. Еще 12 августа онъ писалъ: „я не могу себѣ представить, чтобы непрiятель прiйти могъ въ Москву" [2]). Въ своихъ афишкахъ онъ ручался головою, что „врагъ въ Москвѣ не будетъ". Все, что происходило кругомъ него—и въ этомъ злая насмѣшка надъ человѣкомъ, который вѣрилъ въ возможность руководить событiями по произволу разсудка—происходило помимо него. „Наперекоръ гр. Растопчину" выступило со своими пожертвованiями московское дворянство [3]). Помимо него поднялись дворяне изъ своихъ особняковъ и, гонимые непреодолимымъ чувствомъ страха передъ неизвѣстностью, двинулись вонъ изъ Москвы. Онъ не мѣшалъ имъ выѣзжать, но относился несочувственно къ всеобщему бѣгству, а магистрату запретилъ даже выдавать купцамъ и мѣщанамъ паспорта, кромѣ женъ и дѣтей [4]). Въ афишахъ онъ высмѣивалъ трусость дворянъ, не сознавая какъ будто опасности подобныхъ шутокъ. „Если по ихъ есть опасность,—писалъ онъ объ уѣзжающихъ,—то непристойно, а если нѣтъ, то стыдно". И въ частныхъ письмахъ онъ упрекалъ дворянъ въ трусости. „Кто, не вѣря словамъ его (о полной безопасности въ Москвѣ), которымъ менѣе всего вѣрилъ онъ самъ, выѣзжалъ изъ Москвы съ семьей и скарбомъ, онъ провожалъ, — пишетъ современникъ [5]),—забавными поговорками, ѣдкими насмѣшками, удачными до того, что вчастую по улицамъ горе ходило объ руку со смѣхомъ".

Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенья „кризиса", т.-е. рѣшительнаго сраженья—смятенье усиливалось въ народѣ. Результаты Бородинскаго боя были скрыты отъ населенья столицы; въ высшей степени осторожному письму Кутузова придали въ генералъ-губернаторскомъ домѣ характеръ побѣдной реляцiи, и, когда послѣ этого получены были извѣстiя объ отступленiи русской армiи отъ Можайска, отсутствiе точныхъ свѣдѣнiй повергло еще болѣе населенье въ смутное чувство страха. „Мысли, души, весь бытъ Московскiй былъ въ разбродѣ" [6]). Во всемъ видѣли тайну, Запуганная фантазiя искала повсюду таинственныхъ явленiй, искала пищи для взбудораженныхъ чувствъ. Москва

---

[1]) Письмо Растопчина къ Багратiону отъ 6 августа 1812 г.
[2]) Письмо Растопчина къ Багратiону.
[3]) Поповъ, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (Рус. А. 1675—76 г.).
[4]) Бестужевъ-Рюминъ (Рус. А. 1896).
[5]) Лубяновскiй (Рус. А. 1872).
[6]) Зап. Глинки.

наполнилась слухами о чудесныхъ явленьяхъ и о голосахъ, слышанныхъ на кладбищѣ, о пророчествахъ; искали утѣшенья въ цитатахъ Священнаго писанья, отыскивали въ Апокалипсисѣ пророчества о паденіи Наполеона. Всякому пустяку придавали таинственное значеніе и смыслъ. Чтобы объяснить событія искали измѣнниковъ и измѣну и нашли то, чего хотѣли, въ лицѣ бывшаго главнокомандующаго Барклая де Толли. Строились всякіе безумные планы и химеры, вродѣ проекта одной дамы объ организаціи отряда амазонокъ [1]). „Глупыя афишки Растопчина“, по словамъ современника—совершенно убивали надежду публики“ [2]). Перспектива боя на Трехъ горахъ или даже на улицахъ столицы усиливала панику.

29 августа Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидала отблескъ нашихъ бивачныхъ огней въ разстояніи 40 верстъ отъ города. Этотъ свѣтъ открылъ и остальнымъ жителямъ глаза на ту участь, которая ихъ ожидала. Народъ, „обманываемый весьма часто, на день раза по два двусмысленными обнадеживаньями, что никакой опасности нѣтъ, что наши все разбиваютъ французовъ“, теперь обезумѣлъ отъ страха. Простонародье бросилось вразбродъ изъ „обреченнаго на всесожженіе города“. Растерянность Растопчина, его нелѣпая и безтолковая распорядительность, его неосвѣдомленность способствовали всеобщей дезорганизаціи. Въ то время, какъ все, что могло, бѣжало изъ Москвы, внѣшній видъ жизни еще сохранялся какъ-то нелѣпо: 30 августа, въ день тезоименитства Государя, имѣлъ мѣсто традиціонный маскарадъ, пустыя залы Благороднаго Собранія ярко были освѣщены. Наканунѣ вступленія французовъ былъ спектакль въ Московскомъ театрѣ [3]).

Растопчинъ готовился къ оборонѣ: „вооружайся кто чѣмъ можетъ!“ писалъ онъ въ своихъ афишкахъ: „и конные, и пѣшіе идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменьемъ собирайтесь на Три горы“, самъ хотѣлъ быть тамъ съ народомъ и вмѣстѣ истребить враговъ. 31-го, уѣзжая въ лагерь, онъ обѣщалъ вернуться къ обѣду и „приняться за дѣло, додѣлать и отдѣлать непріятеля“. Эти воззванія нервировали чернь, производя „дѣйствіе самое убійственное“. Въ наполовину покинутомъ городѣ начались грабежи; питейная контора на Покровкѣ была разбита, на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивали, гдѣ непріятель. На бѣглецовъ, выѣзжавшихъ изъ города, глядѣли враждебно, даже грозили имъ, въ нихъ видѣли измѣнниковъ. Многіе готовились къ смерти напутствованіемъ себя причастіемъ. Толпа, вооруженная пиками и топорами, обступала подворье преосв. Августина, требуя чтобъ онъ вышелъ съ ними на Три горы, крича одни, что непріятель вошелъ уже въ городъ,

---

1) Зап. Растопчина, Письма М. А. Волковой, Зап. Глинки и др.

2) Зап. Маракуева.

3) Зап. Растопчина, Глинки. Письма Поздѣева (Рус. А. 1872).

другіе, что англичане идутъ къ намъ на помощь. Такая-же толпа стояла на Лубянкѣ передъ домомъ главнокомандующаго [1]).

Среди общаго смятенья пробовалъ было вмѣшаться въ дѣла Сенатъ; въ немъ были лица, которыя хотѣли войти въ непосредственныя сношенія съ Кутузовымъ и организовать оборону столицы; возникала мысль не покидать Москвы „по примѣру римскихъ сенаторовъ во время вступленія галловъ въ Римъ". Московскихъ сенаторовъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія Растопчинъ; онъ разрѣшилъ ихъ колебанье, распорядившись имъ выѣзжать немедленно изъ Москвы [2]).

Всеобщая растерянность усиливалась дѣйствіями Кутузова, который открыто пренебрегалъ московскими властями, давалъ помимо Растопчина непосредственныя распоряженія его подчиненнымъ, распорядился, между прочимъ, везти пожарный обозъ вонъ изъ Москвы по Владимиркѣ въ цѣляхъ обмануть непріятеля ложнымъ движеніемъ на Казань [3]).

1-го сентября, въ ночь на второе, началось безпорядочное отступленіе русской арміи черезъ Москву, сопровождаемое давкой на улицахъ и грабежемъ. Обозы армейскіе и всякіе снаряды съ великой поспѣшностью проѣзжали черезъ Москву и другъ друга стѣснили, и весь Кремль и улицы наполнены были артиллеріей и войскомъ. Одновременно быстро выступали, почти бѣжали гражданскія власти и полиція [4]). На скорую руку побросали въ Москву рѣку кое-что изъ имѣвшихся въ Москвѣ припасовъ; выпустили изъ Губернскаго замка и Временной Тюрьмы острожниковъ [5]). Ночью, тайно отъ народа вывезли Иверскую и другія иконы. Арсеналъ былъ отданъ на разграбленіе, брали кто что могъ, и, вооружившись чѣмъ попало, взрослые и подростки уже бѣжали изъ Кремля навстрѣчу врагу [6]). Все было пьяно [7]).

Обыватели, довѣрчиво дожидавшіеся того момента, когда ихъ позовутъ въ дружину на Три горы, застигнутые врасплохъ бѣгствомъ начальства [8]), торопились выбраться напослѣдки изъ Москвы, унося и увозя что успѣвали взять. Среди бѣглецовъ былъ самъ гр. Растопчинъ.

---

1) Наиболѣе яркую картину Москвы въ этотъ моментъ можно найти въ запискахъ Снегирева (Р. Арх. 1866 и 1912 гг.)

2) Этотъ эпизодъ описанъ Растопчинымъ въ его запискахъ.

3) Объ этомъ см. у Глинки, который утверждаетъ, что видѣлъ бумагу Кутузова на имя Ивашкина. Впрочемъ, документы, изданные Щукинымъ, не вполнѣ подтверждаютъ его извѣстіе.

4) Щукинъ, Бумаги, относящіяся до войны 1812 г., III, 261.

5) Этотъ вопросъ вполнѣ выясненъ въ настоящее время благодаря изданнымъ г. Щукинымъ документамъ (т. II, 212).

6) Записки Глинки.

7) См. у Попова, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (въ Рус. Арх. 1875—1876 гг.).

8) Въ такое положеніе попалъ, между прочимъ, Глинка, и не онъ одинъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда мемуаръ (напр. Мосолова въ Бумагахъ Щукина, Свербеева въ Вѣстн. Евр. 1872 г.)

Растерявшійся, обезумѣвшій отъ внезапности всего происшедшаго, неподготовленный къ тому обороту, какое приняло дѣло, онъ тутъ, по язвительному выраженію Поздѣева, можетъ быть дѣйствительно, былъ и самъ недоволенъ, „что выпросился въ командиры московскіе“ [1]. Раздосадованный на невниманіе къ нему въ лагерѣ Кутузова, самъ не зная, чего требовать и на что жаловаться, на то-ли, что покидаютъ Москву безъ боя, на то-ли что яко-бы хотѣли биться на Поклонной Горѣ, онъ то съ ужасомъ ждалъ разгрома Москвы солдатчиной — „ее разорятъ сами русскіе“, писалъ онъ съ горечью женѣ въ ночь на 2 сентября,—то въ порывѣ изступленія выражалъ пожеланіе, чтобы войска сожгли Москву, и враги нашли въ ней лишь пепелъ. [2] Толпа осаждала его домъ на Лубянкѣ, требуя, чтобъ онъ велъ ее въ бой; на Тверской, на своемъ подворьѣ, сидѣлъ, запершись, испуганный Августинъ, которому вовсе не улыбалась роль руководителя военныхъ дѣйствій и о которомъ въ общей суматохѣ чуть было не забыли [3].

Поспѣшно покончивъ свои дѣла, давъ послѣднія распоряженія, не успѣвъ даже уничтожить свои бумаги [4], Растопчинъ покинулъ Москву; передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ выбросить на растерзаніе черни арестованнаго по подозрѣнію въ измѣнѣ Верещагина, послѣдній актъ его администраторской мудрости.

Прибывъ къ заставѣ, ему съ трудомъ удалось пробиться черезъ нее, по причинѣ множества войскъ и повозокъ, толпившихся выходомъ изъ города [5]. Была страшная давка, шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненые; дорога была заставлена въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріей по обѣ стороны, одни другихъ перегоняли, гонимые страхомъ [6]. Кто ѣдетъ верхомъ, кто въ каретѣ, кто ребятишекъ въ телѣжкѣ съ собою тащитъ. Тутъ корову ведутъ, тутъ козелъ рвется изъ рукъ, клѣтки съ курами привязаны въ повозкахъ, нагруженныхъ сундуками и перинами; ребятишки ревутъ, крикъ, шумъ, перекличка [7]. Словомъ „безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Москвы спѣшилъ изъ нея, являлъ картину ужасную“ [8].

За шумомъ быстраго выхода арміи наступила тишина, соединенная съ ужасомъ. Москва, предоставленная самой себѣ, безъ полиціи и безъ всякой власти была какъ бы въ оцѣпенѣніи [9].

---

1) Рус. Арх. 1872.

2) См. записки Растоичина и его Письмо къ женѣ (въ Рус. Арх. 1910).

3) Зап. Растопчина; восп. Снегирева въ Рус. Арх. 1912.

4) Онѣ были захвачены Наполеономъ и нѣкоторыя изъ нихъ были изданы въ Монитерѣ.

5) Зап. Растопчина.

6) Поповъ, ор. cit. Зап. Муравьева, Зап. артиллериста, Письма Волковой и др.

7) Разск. простой женщины (Рус. Арх. 1871).

8) Глинка.

9) Аб. Сюрюгъ (Рус. А. 1882).

Все произошло баснословно быстро.

Непосредственно по пятамъ за русскими войсками вступали въ Москву передовыя колонны французскихъ войскъ при звукахъ музыки, гремѣвшей: „La victoire est à nous“ [1]) и, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, незамѣтно завладѣли Москвой. Только при входѣ въ Кремль передовой отрядъ Мюрата настигъ полупьяную толпу, грабившую арсеналъ; произошло столкновеніе; тремя выстрѣлами изъ пушекъ Мюратъ разогналъ ее. Москва была въ рукахъ побѣдителей, которые спѣшили размѣститься въ покинутыхъ домахъ.

Въ ночь вспыхнулъ пожаръ; произошелъ взрывъ барки съ комиссаріатскими вещами подъ Симоновымъ, почти одновременно загорѣлось въ Городѣ [2]). „Я не могу сказать, было ли то въ центрѣ города, или на окраинахъ, такъ какъ ночью легко ошибиться, — разсказываетъ Роосъ [3]),—но мнѣ кажется, что именно въ центрѣ, внезапно произошелъ взрывъ такой силы и такой ужасный, что можно было подумать, что это взорвался пороховой погребъ. Сразу вырвалось пламя, изъ котораго вылетали, описывая широкіе полукруги, огненные шары вродѣ бомбъ и ядеръ, и со страшнымъ трескомъ раскидывали вдаль тысячи искръ. Взрывъ продолжался отъ 3 до 4 минутъ. Намъ показалось, что это былъ сигналъ къ пожару города. Огонь сначала появился только въ этомъ мѣстѣ, но черезъ нѣсколько минутъ мы увидали въ разныхъ мѣстахъ снопы пламени, подымавшіеся къ небу... Мы очень ясно видѣли эту сцену ужаса съ самаго начала, такъ какъ нашъ лагерь стоялъ выше города. Огонь поднялся всюду въ сосѣднихъ кварталахъ; онъ освѣщалъ насъ, озаряя всѣ окрестности, и это усиленіе свѣта и пламени роняло наше мужество, которое только что впервые радостно было приподнято; изъ этого освѣщеннаго пункта мы какъ бы кидали грустный взглядъ на будущность, которое казалось намъ тѣмъ темнѣе.

Была полночь. Пожаръ распространялся и огненное море разливалось по гигантскому городу. Шумъ усиливался, увеличивалось число бѣглецовъ, проходившихъ мимо нашего лагеря“.

Въ теченіе слѣдующаго дня пожары вспыхивали то здѣсь, то тутъ.

Въ первую минуту французы были убѣждены, что пожары носятъ случайный характеръ, что они вызваны неосторожностью ихъ собственныхъ солдатъ. Впослѣдствіи всю вину пожара они возлагали на русскихъ, образовали спеціальную комиссію для разслѣдованія дѣла, опубликовали результаты этого разслѣдованія, согласно которому Растопчинъ былъ объявленъ поджигателемъ, и разстрѣливали безъ суда первыхъ попавшихся русскихъ по подозрѣнію въ поджигательствѣ. Но въ городѣ, гдѣ находилось нѣсколько десятковъ тысячъ французскихъ бандитовъ и русскихъ бродягъ, лишенномъ всякихъ

---

[1]) Bourgogne. (Записки).
[2]) Зап. Глинки и др. мемуары.
[3]) Записки.

средствъ къ тушенію огня, пожаръ былъ дѣйствительно неизбѣженъ, какъ писалъ Растопчинъ своей женѣ. Въ самый день бѣгства изъ Люберецъ онъ сообщалъ ей: „грабежъ начался, и, такъ какъ пожарныхъ трубъ нѣтъ, я убѣжденъ, что городъ будетъ сожженъ" [1]).

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, причина бѣдствія была не единообразна — поджигали и русскіе бродяги въ цѣляхъ грабежа, и въ тѣхъ же цѣляхъ грабители изъ французской арміи; не поджигали только хозяева домовъ и жильцы, которые съ ужасомъ встрѣчали огонь, но не принимали мѣръ къ спасенію своихъ жилищъ, выносили по русскому обычаю иконы и не рѣшались тушить, опасаясь чего-то, не то мести французовъ, не то кары со стороны русскаго начальства [2]).

При узости улицъ, при отсутствіи воды, при преобладаніи деревянныхъ построекъ огонь такимъ образомъ почти не встрѣчалъ преграды [3]). Ужасенъ былъ вечеръ 3 сентября. Въ 9 ч. вечера подулъ юго-сточный вѣтеръ и достигъ силы урагана. Въ 10 часовъ весь городъ пылалъ. Въ нѣсколько часовъ этотъ огненный океанъ истребилъ прирѣчные кварталы, всю Самотеку, а съ другой стороны ту же картину представляли Моховая, Пречистенка, Арбатъ, Тверская. Благодаря сильному вѣтру въ слѣдующіе дни загорѣлись еще нетронутыя части города; огонь овладѣлъ Мясницкой, Красными Воротами, Срѣтенкой, Мѣщанской, Трубою, Басманными и всей Нѣмецкой слободой. „Необозримое пламя все пожирало, — пишетъ очевидецъ, — и все Зарѣчье безъ остатка занялось, Замоскворѣчье тожъ безъ остатку все горѣло, ряды остальные занялися и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія, воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера, какъ мутная вода, летающею золою... ночь отъ пламени была свѣтла, какъ мрачный день" [4]).—„Потоки огня,—пишетъ другой, — несутся по всѣмъ кварталамъ, все слилось въ одинъ пожаръ. Волны пламени, колеблемые вѣтромъ, образуютъ какъ бы огненное море, взволнованное бурей. Днемъ облака дыма сливаются въ густую тучу, заслоняющую солнце; ночью пламя пробивается черезъ черные столбы, далеко освѣщая все зловѣщимъ свѣтомъ" [5]).

Накалившійся воздухъ, не прозрачный отъ дыма, становился невыносимымъ отъ жара. Было трудно двигаться въ этомъ огненномъ лабиринтѣ, гдѣ улицы прерывались развалинами или горящими зданіями. „Мы чувствуемъ, что задыхаемся,—пишетъ одинъ солдатъ великой арміи, — въ этомъ раскаленномъ и разрѣженномъ воздухѣ не видно даже мостовой: все исчезло въ дыму и развалинахъ". То и дѣло рушится то или другое зданіе, погребая улицы подъ своими облом-

---

1) Рус. А. 1910 г.

2) Зап. Шевалье д'Изарнъ въ Рус. А. 1869 г.

3) Зап. Брандта въ Сб. Пож. Москвы I, 128.

4) Донес. Баташеву его прикащика (Рус. А. 1871).

5) Bourgogne (Записки).

ками. „Ежеминутно приходится тушить руками искры и головешки, падающія на одежду. Земля горитъ, небо въ огнѣ, и мы окружены моремъ пламени“ [1]).

Начало пожара было сигналомъ для грабежа.

Чернь бросилась выламывать двери и входы въ подвалы, угрожаемые пламенемъ, чтобы таскать находившіеся тамъ товары и вещи. За нею и солдаты бросились, „какъ гладные львы“, на добычу, и грабежи достигли такихъ размѣровъ, что „ничему нѣтъ пощады“. „Итакъ, въ сей же день, 5-го сентября, начался всеобщій грабежъ, пишетъ дворецкій Баташева, въ покояхъ, что отъ пламени уцѣлѣло, грабили и били, кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили, что ни было, иные укладывали въ фуры и увозили“. За фурами шли мѣстные жители и „тащили вязанки“.—„Не было никакой возможности, пишетъ одинъ французъ, принять какія-либо мѣры для возстановленія порядка и дисциплины. Все отдано на волю солдатамъ. Тщетно часовые и патрули пробуютъ предотвратить эксцессы. Погреба, полные лучшихъ винъ, слишкомъ привлекательны для солдатъ, которые такъ долго терпѣли всякія лишенія и которые теперь плавали въ изобиліи“.

3-го и 4-го въ городѣ стояла только императорская гвардія, входъ былъ воспрещенъ другимъ частямъ арміи. Но 5-го ночью былъ данъ приказъ прислать въ Москву отряды отъ всѣхъ полковъ, чтобы воспользоваться припасами, преданными огню; грабежъ тогда принялъ характеръ всеобщаго. Громадные склады товаровъ всякаго рода, отданные въ жертву огню, подвергались разграбленью среди ссоръ, дракъ и кровопролитныхъ столкновеній. На улицахъ или въ рукахъ солдатъ можно было видѣть разломанными или растерзанными цѣнные предметы, „вещи, которыя самое утонченное искусство создавало для самой утонченной роскоши“ [2]).

Что въ этомъ грабежѣ было ужасно, такъ это систематическій его характеръ. Былъ установленъ очередной порядокъ мародерства, которое подобно другимъ служебнымъ обязанностямъ, было распредѣлено между различными корпусами. Первый день принадлежалъ старой императорской гвардіи, слѣдующій день молодой гвардіи и т. д. [3]). Войска, стоявшія лагеремъ около города, по очереди приходили искать, по выраженію Тутолмина, „пищи для злобныхъ и развращенныхъ сердецъ грабительствами и всякаго рода буйствами“. „Можете судить, пишетъ одинъ московскій житель, самъ французъ, какъ трудно было удовлетворить являвшихся послѣдними“. Офицеры грабили не хуже солдатъ, болѣе совѣстливые довольствовались грабежомъ занимаемыхъ ими домовъ [4]). Большое участіе въ грабежѣ при-

[1]) Зап. Цезаря Ложье, Бургоня и др.
[2]) Цез. Ложье, Bourgogne и др.
[3]) Зап. Шевалье д'Изарнъ въ Рус. Арх. 1869.
[4]) То же.

нимали нагрянувшіе изъ окрестностей крестьяне; дворовые и чернь не только грабили, но и указывали дорогу французамъ. Любопытнѣе всего, быть можетъ, участіе въ грабежѣ самого императора. Со свойственнымъ Наполеону педантизмомъ была организована особая Комиссія, „для разысканія цѣнныхъ предметовъ въ кремлевскихъ соборахъ", которая имѣла правильныя засѣданія. 22 сентября предсѣдатель этой своеобразной комиссіи Сентъ-Дидье освѣдомлялся о томъ, каковы намѣренія императора касательно главнаго собора въ Кремлѣ, который еще не тронутъ, и въ частности предлагалъ люстру пустить въ сплавъ. Въ Успенскомъ соборѣ были поставлены вѣсы и на нихъ взвѣшивалось золото и серебро, ободранное съ иконостасовъ, всего 325 п. серебра и 18 п. золота, какъ гласила сохранившаяся довольно долго потомъ надпись на одной изъ колоннъ [1]).

Наконецъ, небо покрылось облаками, а къ 3 часамъ утра, 7-го сентября, вѣтеръ утихъ и проливной дождь погасилъ остатки пожара.

„Москва дѣйствительно вся сожжена, писалъ 8 сентября Цезарь Ложье, девяти десятыхъ огромной столицы не существуетъ. Мы находимся среди дымящихъ развалинъ, грозящихъ паденіемъ стѣнъ, обгорѣлыхъ деревьевъ. Смрадъ подымается отъ этой груды пепла". На пепелищахъ сидѣли и плакали погорѣльцы, женщины и дѣти изъ богатыхъ купеческихъ семей.

Пожаръ прекратился, но не прекратился грабежъ.

На улицахъ слонялись по тротуарамъ военные, разбивая окна, двери, погреба и магазины; жители прятались и позволяли себя обирать первому попавшемуся. Среди обломковъ погорѣлыхъ домовъ часто съ опасностью жизни продолжали грабить люди изъ простонародья; русскіе мужики и бабы въ курящихся остаткахъ искали добычи и вмѣстѣ съ солдатами французской арміи разрывали въ подвалахъ вещи, которыя могли спастись отъ пожара [2]). На Никольской возникъ импровизированный рынокъ, гдѣ императорская гвардія бойко торговала мѣдной монетой; здѣсь копѣекъ за 10, потомъ за полтинникъ—рубль можно было получить сколько угодно мѣшковъ мѣди въ 25 руб. [3]).

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, пожаровъ и грабежей—ужасно было положеніе тѣхъ мирныхъ жителей города Москвы, которые случайно остались въ Москвѣ, довѣрчиво отнесясь къ обманамъ начальства и застигнуты были врасплохъ нашествіемъ „всесвѣтныхъ злодѣевъ". Выгнанные изъ домовъ огнемъ, перегоняемые пожаромъ съ мѣста на мѣсто, они проводили дни и ночи „подъ пламеннымъ небомъ", скрываясь по кладбищамъ и по сараямъ, подвергаясь грабежу и нападеньямъ, рискуя ежеминутно, что ихъ заберутъ французы и заставятъ въ луч-

---

1) См. Lettres de 1812.
2) См. Bourgogne и др.
3) Записки Щевалье д'Изарнъ,

шемъ случаѣ возить и носить на себѣ награбленную поклажу, а въ худшемъ разстрѣляютъ, какъ воображаемыхъ поджигателей: „Не знали гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ“, пишетъ одинъ изъ такихъ бѣдняковъ: „кто былъ обремененъ дѣтьми, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одеждою, ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгать по разрушеніи дома“. Иные ютились въ подвалахъ и въ развалинахъ сгорѣвшихъ домовъ; иные набивались въ церкви, спасшіяся отъ огня, Полуголые, голодные, они питались чѣмъ попало: сухимъ горохомъ, рябиной, рѣпой, которую они съ опасностью для жизни, вступая въ драку съ солдатами, вырывали въ огородахъ; лазали въ Москву рѣку и доставали оттуда брошенную передъ вступленьемъ французовъ муку. Солдаты были безпощадны къ этимъ несчастнымъ: нападали на нихъ „какъ саранча“: „они были дерзки и жестокосердны, требовали съ ногъ сапогъ“, раздѣвали мужчинъ и женщинъ до самой рубашки. „Въ сей день 5-го сентября“, доносилъ Баташеву его дворецкій—безпрестанно насъ грабили и раздѣвали каждаго по десяти и болѣе разъ. Я и многіе въ ночи остались безъ рубашекъ и босые. 6 сентября день тоже начался грабежемъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хлѣба, ибо уже одежды ни на комъ кромѣ лохмотьевъ и рогожъ на насъ не было. Слѣдующіе дни поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья не переставали, и день и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются“. Не спасали аттестаты, выдаваемые французскими начальниками—солдаты грабить продолжали „съ одинаковымъ звѣрствомъ“. „Оставалась одна надежда на миръ, но о немъ и слуха нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать“. Даже въ церкви нельзя было найти спасенья отъ грабежей. „Ночь сія, пишетъ одинъ москвичъ, скрывшійся въ церкви св. Власія, въ Сивцевомъ Вражкѣ, была самая жестокая; поминутно приходили, обирали и все разные непріятели... видя насъ собравшимися великое множество обирали все, и платки и шубы“... Сопротивляться никто не пробовалъ: „покорствуя власти непріятельской, яко плѣнный“, каждый спѣшилъ отдавать все, что у него требовали[1]). Впрочемъ, сопротивляться было небезопасно. Отставной генералъ-маіоръ Мосоловъ испыталъ это: „послѣдне тиранство со мною сдѣлали, изрубили мнѣ руку за то, что я сапоги не далъ снять“ [2]). Блуждая между развалинъ, въ лохмотьяхъ, изнуренные голодомъ и болѣзнями, они безпомощно метались, всюду подвергаясь грабежу, нигдѣ не находя себѣ защиты, „изнемогая отъ побой, отъ стужи, безъ всякой одежды и истаивая отъ глада“, какъ картинно писалъ отставной генералъ-маіоръ Нероновъ, который провелъ цѣлый мѣсяцъ, валяясь то

---

1) См. Письмо Сокова Баташеву (Р. А. 1871), разсказъ простой женщины (Рус. А. 1871), разсказъ неизвѣстнаго москвича (Рус. А.), и др.

2) Сборн. Щукина. VIII. 83.

въ полѣ, то на полу въ церкви Троицы, въ Вешнякахъ, едва прикрытый клочьями рубахи и ветхою женскою епанчею, замѣнившей его „воинственныя брони“ [1]).

Уже 7 и 8 сентября французскія власти пробовали сократить размѣры грабежа, но только 17-го онѣ приступили къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. „Днѣвный приказъ, генералъ штатъ-маіора“ констатируя, что „не взирая на данныя повелѣнья, чтобы прекратить грабежъ, однакожъ оный въ нѣкоторыхъ частяхъ города продолжается“, грозилъ, что „грабители будутъ преданы, считая отъ завтрашняго дня, т.-е. отъ 18·30 сентября, воинскимъ комиссіямъ и будутъ суждены по строгости законовъ“ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ приступили къ организаціи временнаго управленія города. Уже при вступленіи своемъ въ Москву Наполеонъ назначилъ Московскимъ Губернаторомъ Маршала Мортье, герцога Тревизскаго, а комендантомъ города генерала Дюронель. На скорую руку былъ организованъ Монетный дворъ, открыта Императорская типографія великой арміи; кажется, пробовали возстановить почтамтъ. Тотчасъ по вступленіи въ Москву улицамъ были даны новыя названья, напримѣръ, кварталъ такого-то батальона, улица такой-то роты, площадь Сбора, Смотра, Парада, Гвардіи и т. п. [3]). Сохранено было существовавшее дѣленье города на 20 частей, и этимъ дѣленьемъ воспользовались для организаціи полиціи „по прежнему положенью“. Во главѣ полицейской организаціи были поставлены два генеральныхъ комиссара, московскіе французы Виллерсъ и Пюжо, должность которыхъ соотвѣтствовала должности двухъ полицеймейстеровъ; имъ были подчинены 20 комиссаровъ, или частныхъ приставовъ, къ которымъ были приставлены помощники. Набиралась эта полиція изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ: тутъ были и вольноотпущенный, и дворовый человѣкъ, и отставной ротмистръ, и даже квартальный поручикъ, но преимущественно это были мѣстные иностранцы. Въ знакъ своей должности комиссары носили бѣлую кокарду на рукѣ и бѣлую ленту черезъ плечо. Имъ было поручено вербовать полицейскихъ. Реальной пользы эта своеобразная „русская полиція“ не принесла.

Еще неудачнѣе была попытка организовать въ сожженной Москвѣ подобіе самоуправленья. Первый вопросъ Наполеона при въѣздѣ въ Москву былъ: „гдѣ городской магистратъ?“ Не найдя таковаго, онъ поручилъ главному интенданту арміи Лессепсу создать въ Москвѣ муниципалитетъ. Эта муниципальная организація отличалась, какъ все выходящее изъ подъ рукъ Наполеона, строгой систематичностью. Цѣль ея опредѣлялась такъ: Муниципальный совѣтъ будетъ „заниматься сред-

---

1) Ibid. II, 128.
2) Рус. А. 1864. (стр. 408).
3) Записки Цезаря Ложье.

ствами обезпечить продовольствіе жителей, облегчить ихъ страданія и дать онымъ помощь, заниматься также будетъ обо всемъ касательно администраціи безопасности общей и внутренней города". Фактически имѣлось въ виду посредствомъ этой организаціи обезпечить войско квартирами и продовольствіемъ, и въ этихъ цѣляхъ „укротить безпокойство обывателей, ободрить ихъ на предыдущее время и возвратить всеобщее довѣріе, которое есть единственное средство чтобъ усладить ихъ участь". Во главѣ муниципалитета стоялъ городской голова, нѣкто купецъ П. И. Находкинъ. Всѣ дѣла были разбиты на шесть бюро или отдѣловъ, во главѣ которыхъ стояли шесть товарищей городского головы; имъ въ помощь было назначено четырнадцать или болѣе членовъ, которые тоже распредѣлены были по этимъ отдѣламъ. На указанныя бюро возлагались слѣдующія обязанности: 1) попеченіе о бѣдныхъ, 2) собраніе мастеровыхъ, назначеніе имъ мѣста, гдѣ-бы имъ можно было вольно заниматься ихъ рукодѣльемъ, и плата за труды ихъ, 3) содержаніе дорогъ, улицъ и мостовыхъ, 4) общая безопасность и спокойствіе народное, наказательная полиція и мирное содѣйствіе и правосудіе, 5) снабженіе французскихъ войскъ квартирами, 6) снабженіе ихъ провіантомъ, и, вѣроятно, въ связи съ этимъ „ознаменованіе средствъ, какія еще городъ имѣть можетъ для своего содержанія". Кажется на бюро, завѣдующее попеченьемъ о бѣдныхъ, было также возложено продовольствіе жителей, смотрѣніе надъ госпиталями, къ чему въ частности былъ привлеченъ Московскій докторъ Кульманъ, и надзоръ забогослуженіемъ, „чтобы оное было уважаемо". Освѣщенье города и очищеніе улицъ отъ труповъ было возложено на отдѣльное лицо. Кромѣ того, имѣлись особыя должности казначея, секретаря и переводчиковъ онаго правленья, особыя должности смотрителей Екатерининскаго Института и Спасскихъ казармъ и нѣсколько чиновниковъ по особымъ порученьямъ. Совѣтъ долженъ былъ собираться разъ въ недѣлю. Члены его носили въ знакъ своего достоинства алую повязку. На воротахъ ихъ домовъ вывѣшивалось объявленіе о томъ, что это домъ такого-то, товарища городского головы и т. д. Что касается порядка избранія, то, хотя Лессепсъ и заявлялъ кандидату, что онъ выбранъ не имъ, „а вашими русскими и собственно для васъ русскихъ", но фактически мы имѣемъ дѣло съ назначеніемъ, иногда по указанію Виллерса или уже назначенныхъ членовъ муниципалитета; о какомъ-либо подобіи выборовъ не могло быть и рѣчи. Нѣмецъ Кульманъ такъ описываетъ свое назначеніе въ члены „мюнисипалитэ": „Когда все горѣло и ни откуда защиты не было, я сталъ искать какой бы то ни было службы во французской арміи... Не прошло двухъ дней какъ я былъ вызванъ къ начальнику города Москвы — онъ мнѣ повязалъ алую ленту на лѣвую руку, и сказалъ: господинъ Кульманъ назначенъ членомъ муниципальнаго совѣта городокой коммуны Москвы, слѣдовательно

совѣтникомъ“ [1]). Два другихъ муниципала, чиновникъ Бестужевъ-Рюминъ и купецъ Кольчугинъ, даютъ картину очень близкую къ этой, прибавляя, что при попыткѣ отказаться отъ должности Лессепсъ имъ грозилъ гнѣвомъ императора и разстрѣломъ Дѣятельность муниципалитета или „управы“ не получила широкаго развитія. Будучи „мертвыми орудіями повелѣвающей власти“, чиновники муниципальные не пользовались авторитетомъ, и алаяленточка на рукѣ не спасала ихъ даже отъ обидъ и грабежа. Собиралось городское правленіе рѣдко, и большая часть членовъ уклонялась отъ засѣданій „подъ предлогомъ, что пошелъ въ такой-то приходъ или въ такую то часть въ богадѣльню“ и избѣгала подписывать журналы. Кольчугинъ оставилъ намъ описаніе перваго организаціоннаго засѣданія или „присутствія“ городской управы, въ которомъ имѣли сужденіе кому какую часть назначить и ею заниматься. Въ распоряженіе муниципальныхъ старшинъ было передано 50,000 руб. мѣдной монетой для раздачи пособій пострадавшимъ; для лишенныхъ крова были открыты помѣщенія въ Запасномъ Дворцѣ у Красныхъ Воротъ и въ домѣ Разумовскаго. Благодаря усиліямъ магистрата было возобновлено богослуженіе въ нѣсколькихъ церквахъ. Тѣмъ, кажется, и ограничилась дѣятельность московскаго „мюнисипалитэ“, а по мѣрѣ того, какъ все яснѣе выступала безвыходность положенія Наполеона въ Москвѣ и неизбѣжность скорой ея эвакуаціи, городское правленіе совершенно прекратило свою работу[2]).

Наряду съ организаціонной работой по устройству управленія, мы видимъ нѣкоторое стремленіе придать подобіе обычной жизни въ сожженномъ городѣ, придать ему нѣчто вродѣ внѣшняго вида временной столицы великаго императора. Отсюда попытки организовать театръ въ домѣ Познякова на Б. Никитской, гдѣ рядъ спектаклей открылся 25 сентября постановкой: „Игры Любви и Случая“ столь-же необычной при данныхъ обстоятельствахъ, какъ необычно было видѣть афиши, на подобіе парижскихъ, прибитыя къ стѣнамъ полусгорѣвшихъ зданій. Болѣе того, Наполеонъ пробовалъ создать нѣчто вродѣ двора въ Петровскомъ дворцѣ, устраивалъ концерты, на которыхъ въ его присутствіи, безъ особеннаго успѣха, выступала пѣвица Фюзиль [3]). При дворѣ Наполеона не хватало только русской знати. Наполеонъ хотѣлъ, но не умѣлъ войти въ сношенія съ русскими; поэтому онъ такъ охотно вызвалъ на аудіенцію Яковлева, котораго ему рекомендовали, какъ „дворянина, близкаго къ первымъ фамиліямъ Россіи, къ тому же отлично говорящаго по-французски и очень интереснаго человѣка“ [4]); отсюда его вниманіе къ Тутолмину, начальнику Воспита-

---

[1]) Отголоски 1812—1813 г.г. въ письмахъ къ М. А. Волковой (41).

[2]) О московскомъ муниципалитетѣ см. записки Кольчугина („Р. А.“ 1879), Бестужева-Рюмина („Р. А.“ 1896); письма Кульмана (въ письмахъ къ М. А. Волковой) и въ сборникахъ Щукина, а также статью Киселева, въ Рус. А. 1868 г.

[3]) Записки Фюзиль.

[4]) Lettres de 1812, § 19.

тельнаго Дома, отсюда, наконецъ, его доброжелательное отношеніе къ Загряжскому, котораго по слухамъ онъ пожаловалъ „дюкомъ" и кавалеромъ Почетнаго Легіона [1]).

Такъ шла жизнь въ теченіе мѣсяца въ „лишенной общественнаго бытія" Москвѣ, когда 7 октября, рано утромъ, Наполеонъ такъ же внезапно покинулъ Москву, какъ ее занялъ. Для обезпеченія тыла въ Кремлѣ были оставлены маршалъ Мортье и Лессепсъ съ приказаніемъ защищаться. Оставшійся въ Москвѣ гарнизонъ заперся въ Кремлѣ. Ночью 10 октября, предварительно подложивъ подкопы подъ стѣны, Кремля, Мортье тоже покинулъ Москву. Оглушительный взрывъ разнесъ далеко по окрестностямъ, вѣсть о томъ, что Москва свободна. Кремль былъ взорванъ, зажженная взрывомъ Москва догорала, французы изъ нея вышли, и „Богъ знаетъ куда ушли", и Москва, покинутая ими, была отдана въ добычу черни. На смѣну французамъ тотчасъ появились новые искатели наживы, казаки и крестьяне, ловили и добивали отставшихъ солдатъ Наполеона и грабили что осталось; даже изъ дальнихъ деревень нахлынули шайки грабителей кто на возахъ, кто пѣшкомъ, чтобы захватить недограбленное. Чернь набросилась на все, что уцѣлѣло. Такъ Шереметевскій странопріимный домъ, охранявшійся французами, теперь подвергся полному разграбленію. Снова начались поджоги. Наконецъ, въ субботу, 11-го, вступилъ въ Москву полицеймейстеръ Гельманъ; всѣ вздохнули свободно, и порядокъ началъ водворяться. Впрочемъ, еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій, горѣла Казенная Палата у Иверскихъ воротъ, жужжали шальныя пули, и въ русскіе разъѣзды направлялись выстрѣлы изъ-за развалинъ. Дворецъ догоралъ, и еще „ярко вспыхивалъ въ вечернемъ полумракѣ какъ потухающая свѣча, освѣщая мрачную окрестность". Казаки и гусары расположились бивуаками на Красной площади и на бульварахъ, и по ночамъ Москва, освѣщенная отблескомъ ихъ огней представляла „чудное, несообразное ни съ чѣмъ зрѣлище"; мертвую тишину ея прерывали только оклики часовыхъ, ржанье лошадей и топотъ разъѣздовъ [2]).

Вновь прибывшія власти быстро навели порядокъ, перехватали нѣсколько сотъ грабителей и поджигателей и самымъ энергичнымъ и оригинальнымъ способомъ прекратили дальнѣйшіе поджоги, пригрозя жителямъ домовъ отвѣтственностью въ случаѣ, если занимаемые ими дома подвергуться поджогу или разграбленію. Затѣмъ принялись арестовывать членовъ московскаго „мюнисипалитэ".

Въ концѣ октября вернулся Растопчинъ. Онъ въѣзжалъ тріумфаторомъ; жители подмосковныхъ деревень встрѣчали его съ хлѣбомъ-

---

1) Щукинъ, Бумаги, относ. до войны 1812 г. I, 56.

2) Состояніе Москвы послѣ выхода французовъ описано у Шаховского и у аб. Сюрюгъ.

солью; опьяненный впечатлѣніями момента, онъ, какъ всѣ раціоналисты, склоненъ былъ теперь приписать многое изъ того, что имѣло мѣсто, себѣ и, отвѣчая на намеки своихъ приближенныхъ, „съ самодовольствомъ говорилъ о томъ истинно славномъ дѣлѣ“, отъ котораго въ болѣе спокойныя минуты онъ и публично и частнымъ образомъ отрекался [1]. Вслѣдъ за Растопчинымъ потянулась и армія чиновниковъ и властей; на развалинахъ закипѣла будничная административная дѣятельность; кое-какъ размѣстившись въ уцѣлѣвшемъ запасномъ дворцѣ, принялись за обычныя дѣла; энергично повели обыски и аресты среди тѣхъ лицъ, которыхъ подозрѣвали въ самыхъ невинныхъ сношеніяхъ съ побѣдителями или въ присвоеніи чужого имущества среди всеобщаго грабежа. Растопчинъ былъ теперь въ своей сферѣ и „жестоко игралъ судьбою несчастныхъ“; всюду ему чудились якобинцы, въ вину ставилось самое пребываніе въ Москвѣ и медлительность при бѣгствѣ [2].

Москва представляла изъ себя ужасную картину. „Москвы ужъ нѣтъ,—восклицаетъ аббатъ Сюрюгъ:—обширный очагъ пепла остался на мѣстѣ этого прекраснаго города“. Это „ничто, какъ обширная развалина“—вездѣ „все голо, все черно, только торчатъ трубы да и тѣ обгорѣлыя“; отдѣльныя случайно пощаженныя огнемъ зданія одиноко стояли среди общаго разрушенія. „Покрытая могильнымъ прахомъ“, Москва представляла изъ себя „разбросанный скелетъ“. Надъ этой черной грудой возвышались остатки кремлевскихъ стѣнъ, съ обрушившимися башнями и арсеналомъ, и Иванъ Великій безъ креста, „какъ бы съ разможженной головой“ стоялъ одиноко „не какъ храмъ, а какъ столбъ“, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка, оторванная взрывомъ, обрушилась возлѣ него; соборы не пострадали, но, ограбленные, оскверненные, они представляли „мерзость запустѣнія“.

Результаты пожара были ужасны. Цѣлыя улицы были сметены огнемъ. Изъ 9275 домовъ уцѣлѣло во всей Москвѣ всего 2322 дома. Вмѣстѣ съ домами погибли громадной цѣнности произведенія искусствъ: бронза, картины, драгоцѣнная мебель, библіотеки вродѣ знаменитой библіотеки гр. Бутурлина, насчитывавшей до 30 тыс. томовъ, словомъ все великолѣпіе утонченной и роскошной дворянской культуры Москвы. Французскіе бюллетени исчисляли убытки Москвы въ нѣсколько милліардовъ рублей; они, можетъ быть, преувеличивали, но несомнѣнно, что и гр. Растопчинъ преуменьшалъ цифру, когда исчислялъ ее для

---

1) Ср. разсказъ Шаховскаго съ письмами Растопчина къ Воронцову (Архивъ Воронцова, VIII); изъ письма къ женѣ отъ 11 авг. видно, что Растопчинъ досадовалъ, что сожженіе Москвы принадлежитъ французамъ, а не русскимъ.

2) См. записки Кольчугина въ Рус. Арх., 1879, Бестужева-Рюмина (ib. 1896 г.) первыя распоряженія московской администраціи см. въ Бумагахъ, изданныхъ Шукинымъ.

всей Московской губерніи въ 321 мил. „Потеря, которую понесла Россія, благодаря пожару Москвы, неисчислима, пишетъ аббатъ Сюрюгъ. Сколько милліоновъ похоронено подъ развалинами, сколько всякихъ богатствъ превратилось въ пепелъ! Сколько художественныхъ произведеній навѣки потеряно для искусства! Не говоримъ о многочисленныхъ жертвахъ, погибшихъ въ пламени, ни о сокровищахъ, которыя заключали въ себѣ библіотеки и которыя уничтожены огнемъ".

Состояніе Москвы было настолько плачевно, что невольно закрадывалось сомнѣніе въ томъ, насколько возможно надѣяться на ее возстановленіе. Въ первую минуту самъ Растопчинъ пришелъ въ отчаяніе: „хотя купцы,—писалъ онъ,—и надѣются, что Москва возстановится скоро, но я сему не вѣрю" [1]). Подобныя мысли преслѣдовали не его одного. Московскія дамы скоро пришли къ заключенію, что „съ Москвой надо навсегда проститься". „Мнѣ кажется, — писала Небольсина М. А. Волковой,—какія бы усилія не были возстановить, не намъ съ вами не видѣть Москвы въ томъ состояніи, какою она была". Опасенія эти, конечно, лишены были основаній. Торговое значеніе Москвы не могло быть уничтожено пожаромъ. Уже 22 октября мы слышимъ, что „купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, начинаютъ собираться вернуться туда по первому санному пути посмотрѣть, что съ нею сталось". Едва вѣсть объ освобожденіи Москвы разнеслась по всей Россіи, какъ отовсюду стали появляться видоки, посланные изъ всѣхъ краевъ земли русской изгнанниками москвичами, взглянуть на Москву, узнать, что сталось съ ихъ домами и добромъ [2]).

Эти изгнанники все время владычества Наполеона влачили жалкое существованіе въ добровольной „емиграціи" по различнымъ отдаленнымъ городамъ, которые сразу преобразовались благодаря наѣзду гостей и „при томъ все такихъ знатныхъ людей". „Ахъ проклятый Бонопарте! какую онъ всюду перемѣну произвелъ въ Россіи!" пишетъ одинъ изъ нихъ. Москва разбилась по губернскимъ городамъ. Большинство бѣжало въ Нижній, считая его безопаснымъ убѣжищемъ. „Чудный и прелестный по своему положенію, чудный по вмѣщенію Москвы", Нижній былъ набитъ московцами; здѣсь Батюшковъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ московскихъ знакомыхъ, начиная съ Карамзина и кончая Архаровыми, на обѣдахъ у которыхъ по прежнему собиралась „вся Москва". Нижній „замѣнилъ мѣсто Москвы", „превратился въ обломокъ Москвы". Такимъ-же осколкомъ Москвы были другіе города, напримѣръ Тамбовъ; сюда точно также какъ въ Казань по преимуществу понаѣхали купцы, но были и дворяне: Разумовскіе, кн. Меншикова, Волковы, и „каждый день прибываютъ новыя лица". Въ Пензѣ „Смоленскіе и Московскіе разоренные наполнили всѣ дома и

---

1) Рус. А., 1863.

2) Отзвуки 1812—13 г.г. въ письмахъ къ М. А. Волковой; письмо М. А. Волковой къ Ланской отъ 22 окт. 1812.

заняли даже кухни“. Въ Вологдѣ, въ Костромѣ, словомъ, куда ни посмотришь, „всюду сказываютъ тѣсно“. Цѣны на квартиры въ уѣздныхъ городахъ, на продукты сразу поднялись: „съ бѣдныхъ пріѣзжихъ дерутъ кожу, не помышляя, что завтра ихъ можетъ постигнетъ такая-же участь“. Наплывъ въ приволжскіе и сѣверные города усиливался благодаря бѣглецамъ изъ Смоленской губерніи, которые, не найдя безопасности въ Москвѣ, вмѣстѣ съ москвичами бѣжали дальше, на сѣверо-востокъ, а также бѣглецамъ изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ городовъ, гдѣ жители, „получивъ поразительную вѣсть о занятіи Москвы“, тоже рѣшились на „разлуку съ милымъ отечествомъ“. Такъ изъ Ярославля бѣжала великая княгиня Екатерина Павловна, а за нею вслѣдъ поспѣшно выѣхали и многіе жители и пріѣзжіе. Паника достигла дальнихъ Курска и Воронежа, жители которыхъ хотѣли ихъ покинуть; даже въ самомъ Нижнемъ чувствовали себя непокойно [1]).

На новыхъ мѣстахъ изгнанники не сразу осваивались, попавъ въ бѣдную обстановку дальнихъ провинціальныхъ городовъ: принужденные жаться по десяти человѣкъ въ трехъ комнатахъ, страдать отъ холода въ „гадкихъ“ квартирахъ съ однимъ поломъ, смотрѣть на изодранныя драпировки, парусинную мебель, кривые стулья, въ тяжелыхъ сомнѣньяхъ на счетъ будущаго, подсчитывая свои убытки и свое разоренье, „не зная куда дѣваться“, они отравляли другъ другу существованіе своимъ тоскливымъ нытьемъ. „Вездѣ слышу вздохи, пишетъ Батюшковъ, вездѣ слезы и вездѣ стоны. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по французски, а патріотизмъ выражается въ словахъ: „point de paix!“

Скорбь о какихъ-нибудь утраченныхъ серебряныхъ „шенданахъ“, о томъ, что „извергъ рода человѣческаго разрушилъ ихъ мирную бесѣду“, сливалась, однако, съ чувствами болѣе глубокой скорби. Извѣстіе о взятіи и о пожарѣ Москвы ошеломило изгнанниковъ. Трудно было, по выраженію Тургенева „пріучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что святыня сія поругана“. „Умъ, понятье, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила“, пишетъ Волкова. Глубину бѣдствія „немногіе постигаютъ“, вторитъ ей Батюшковъ; „(оно) какъ солнце ослѣпляетъ, мы всѣ въ чаду“. „Все кажется сновидѣньемъ“, пишетъ Карамзинъ [2]).

Въ первую минуту были убѣждены, что Москву сожгли французы ради грабежа, и легенда о пожарѣ Москвы, какъ объ актѣ героическаго самопожертвованія еще не создалась. „Есть еще полоумные, которые стараются извинить французовъ, и даже оправдывать“, съ негодованіемъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ событій современникъ: есть

---

1) Зап. Маракуева, письма Растопчина къ женѣ (въ Рус. Арх. 1910 г.).

2) Жизнь изгнанниковъ представлена, какъ въ цѣломъ рядѣ писемъ ихъ (Батюшкова, Карамзина, Мордвинова, М. А. Волковой къ Ланской, корреспондентовъ ея матери М. А. Волковой, корреспондентовъ кн. Вяземскаго и др.), такъ и въ запискахъ (напр., Вигеля).

люди, которые всѣ пожары приписываютъ русскимъ. О воспитаніе!" [1]). „Не они-ли русскіе также взорвали Кремль и поставили въ церквахъ лошадей", пишетъ по этому поводу Булгаковъ, правая рука Растопчина. Самъ Растопчинъ писалъ Воронцову, что Наполеонъ сжегъ Москву, чтобы имѣть предлогъ для грабежа. Словомъ и простонародье и дворянство приписывали пожары „варварству и безчеловѣчной жестокости Наполеона", и въ казняхъ поджигателей видѣли лишь доказательства „хитрости оправдывающихся въ зажигательствѣ французовъ" [2]). Первое чувство, которое должно было поэтому вспыхнуть, было чувство ненависти, „нѣчто странное, давно небывалое, въ нихъ загорѣлась, казалось, неугасимая жажда мщенья. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостью смотрѣли, какъ злодѣй терзаетъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и какъ будто предчувствуя, что не далекъ день мщенья. Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ" [3]). „Москва снова возникнетъ изъ пепла", восклицаетъ Тургеневъ: „въ чувствѣ мщенья найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величья. Никто не хочетъ мира. Всѣ желаютъ не мира, а истребленья врага"! [4]). „Мщенья! мщенья!" горячится Батюшковъ. „Варвары! вандалы! и этотъ народъ извергов осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи, и мы были такъ ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны!" [5]). Такъ чувство ненависти направлялось безсознательно отъ самихъ французовъ, виновниковъ московскихъ бѣдствій, на всю культуру, на все просвѣщенье, представителями котораго являлась эта нація, „считаемая за самую образованную въ Европѣ", но проявившая себя въ Россіи „адскими неистовствами". „Москвы нѣтъ", пишетъ тотъ-же Батюшковъ: „святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ. Вотъ плоды просвѣщенья или лучше сказать разврата остроумнѣйшаго народа". „Желалъ-бы я слышать", пишетъ изъ Пензы Мордвиновъ: „что всѣ злые духи по всѣмъ дорогамъ бѣгутъ изъ городовъ нашихъ—исчадія адскія—французское ученіе, французскія прихоти, наряды, одежды, французскія книги, театры, газеты, французскій языкъ и порожденныя онымъ привычки и мысли" [6]).

Это чувство ненависти, эта жажда мщенья, возвышала эмигрантовъ почти до героизма, отвлекая по временамъ отъ личныхъ потерь до сознанія необходимости жертвъ, хотя-бы и недобровольныхъ. „Какъ бы много всѣ ни пострадали, никто не подумаетъ сожалѣть о потерянномъ, лишь бы истребили мы злодѣя нашего и всего рода чело-

1) Р. А. 1865.
2) Архивъ Воронцова, VIII, Записки Маслова (Рус. А. 1908)
3) Зап. Вигеля.
4) Рус. Арх. 1866.
5) Письма Батюшкова въ Собр. Соч.
6) Рус. Арх. 1912 г. № 6.

вѣческаго", пишетъ одинъ изъ нихъ. Волкова радуется пожару: „лучше, чтобы все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ"... „Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили нѣкоторое внутреннее спокойствіе".

Извѣстіе объ освобожденіи Москвы въ значительной степени разсѣяло сгустившееся настроенье. Привычки брали свое. Установившійся годами житейскій бытъ былъ сильнѣе всѣхъ временныхъ невзгодъ и душевныхъ порывовъ, и въ своемъ добровольномъ изгнаньи москвичи воскрешали образъ жизни своей милой Москвы. Кто съ утра до вечера засѣлъ въ карты, кто переводитъ Федру и пишетъ стихи, кто принимается за Горація или за историческіе труды. Балы смѣняются концертами, прыгаютъ и веселятся. Словомъ „жить не скушно, будь бы обстоятельства наши не были разстроены"[1]. Батюшковъ впослѣдствіи вспоминалъ даже съ удовольствіемъ жизнь въ Нижнемъ, тамошнюю площадь, которая для московскихъ франтовъ и красавицъ замѣняла теперь московскій бульваръ, и обѣды у Архарова, гдѣ „отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова, все дышало любовью къ отечеству, гдѣ Вас. Льв. Пушкинъ, забывъ всѣ свои утраты, забывъ о Наполеонѣ, гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля, отпускалъ изысканные каламбуры и спорилъ до слезъ о преимуществахъ французской словесности", балы, гдѣ московскія красавицы, осыпавъ себя брильянтами и жемчугами, прыгали до перваго обморока, болтая по французски и проклиная враговъ [2].

Но среди всего этого круговорота обычной свѣтской жизни—мысли и чувства обращались къ Москвѣ. „Москва, старая очаровательница, и въ пожарныхъ развалинахъ своихъ, по выраженію Глинки, отовсюду манила къ себѣ мысли"[3]. Уже въ концѣ октября всѣ стремятся хоть не на долго съѣздить „въ разоренную и опаленную столицу", взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ старались до тѣхъ поръ „не думать, полагая, что приходится навѣки отказаться отъ счастья вновь ихъ увидѣть". Уже 20 октября пишутъ, что въ Москву ѣдетъ множество людей; въ концѣ ноября Москва полна народа. Она оживаетъ точно муравейникъ, въ нее стекаются отовсюду. 20 декабря Шлецеръ писалъ Вяземскому: „число жителей здѣсь прибавляется съ каждымъ днемъ. Пріѣзжаютъ даже нѣкоторые изъ знатныхъ господъ, по улицамъ уже довольно экипажей. Но при всемъ томъ пребываніе здѣсь очень печально. Вы не можете себѣ представить, какое ужасное зрѣлище представляютъ обгорѣлые дома".

Въ Москву возвращались съ особеннымъ чувствомъ: „хотя я убѣждена, пишетъ Волкова, что остался лишь пепелъ отъ дорогого города, но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по

---

1) Отзв. 1812 и 1813 гг. въ письмахъ къ М. А. Волковой.
2) Р. А. 1866 (714).
3) Записки.

милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханьемъ воздуха, которымъ мы дышали". Къ ея развалинамъ приближались „съ тѣмъ чувствомъ, какъ Неемія послѣ плѣна Вавилонскаго объѣзжалъ вокругъ стѣнъ Іерусалимскихъ". Глядя на нихъ охватывало „новое неизъяснимое чувство". „Всякій день сожалѣю о прелестной Москвѣ, да прильпнетъ языкъ мой къ гортани, и да отсохнетъ десная моя, если я тебя, о, Іерусалимъ, забуду", писалъ Батюшковъ. Во время несчастія Москва, казалось, стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ.

Первое время пріѣзжающимъ приходилось тяжко, мѣстожительства не было, „ибо по сію пору", писали въ ноябрѣ, „двухъ добрыхъ комнатъ отыскать нельзя" [1]), ютились по подваламъ, жили кое-какъ въ концахъ ограбленнаго дома [2]). Жизнь, однако, кипѣла въ этомъ разоренномъ муравейникѣ. На площадяхъ выростали деревянныя лавченки, столики и рогожи, замѣнившія Гостинный Дворъ. Охотный рядъ превратился въ цѣлый базаръ изъ возовъ, своеобразную ярмарку, куда окрестные крестьяне свозили деревенскіе припасы, калачи, сайки, самовары со сбитнемъ, обувь [3]). Рядомъ, въ дверяхъ Благороднаго Собранья появилась какая-то лавка, гдѣ продавали лапти, кульки, веревки и т. п. Такъ новая жизнь цѣплялась за развалины старой. Торгъ шелъ оживленно. Грабежъ выкинулъ на рынокъ за дешево массу дорогихъ товаровъ. Словомъ „опять очнулась Москва" и изъ развалинъ опять „гордо и величаво подымала свою главу". „Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву... весь адъ съ милліонами Наполеоновъ—не въ состояніи этого сдѣлать", писалъ Мерзляковъ уже въ мартѣ 1813 г. [4]): „Москва разрушенная, опустошенная уже лучшій городъ въ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать находится въ ней съ изобиліемъ. Топоръ стучитъ въ тысячахъ рукъ, кровли наводятся, цѣлые опустошенные переулки становятся по прежнему застроенными, улицы заставлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами, народу тьма". Правительство содѣйствовало возстановленію Москвы; заведены были казенные кирпичные заводы, съ цѣлью доставлять дешевле и удобнѣе матеріалъ строющимся; въ пользу обгорѣлыхъ открыты были казенные лѣса, какъ-то Лосиноостровская роща. Изъ спеціальныхъ суммъ, ассигнованныхъ Государемъ выдавались денежныя пособія, и постепенно „пустота незастроенныхъ мѣстъ" [5]), напоминавшая „варваровъ", стала исчезать, и Москва воскрешала въ новую „лѣпоту".

Не приходится повторять, что „пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью". Москву обстраивали по новому плану и, пользуясь

---

1) Рус. А. 1912, № 6.

2) Изъ письма Растопчина (Р. А. 1863 г.).

3) Записки Шаховского.

4) Р. А. 1865 г.

5) Изъ письма Растопчина импер. Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 5 янв. 1814 года. (Сб. Щукина, VIII).

случаемъ, сносили зданья и даже старыя церкви. Этотъ новый планъ долженъ былъ быть однимъ изъ „памятниковъ славы" Императора Александра, но вызывалъ много нареканій и жалобъ. „Казалось-бы въ теперешнемъ положеньи", писалъ одинъ москвичъ: какъ бы нибудь люди строились, дабы имѣть пристанище, но начальство, напротивъ, какъ-бы обрадовалось сему случаю, хочетъ изъ кривыхъ улицъ сдѣлать прямыя. Даже не позволяютъ на каменныхъ домахъ сдѣлать мезонинъ деревянныхъ и совсѣмъ уже сдѣланные сломали". Работы по благоустройству города были, дѣйствительно, довольно значительны: „съ тѣхъ поръ дороги, тротуары, дома и все на новый ладъ". Произведена была большая нивеллировка улицъ со склономъ къ Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ; Неглинка была заключена въ подземную трубу; приведены были въ порядокъ стѣны Кремля и Китая Города. Красная площадь была очищена отъ лавокъ, ровъ возлѣ Василія Блаженнаго засыпанъ, и на мѣстѣ его появилась „обсадка деревьевъ" или бульваръ; „топь", существовавшая на мѣстѣ теперешней Театральной площади, была замощена и самая площадь расширена; уничтоженъ былъ валъ Земляного Города; набережныя Москвы рѣки, Яузы и канала были обдѣланы камнемъ и рѣшеткой; воздвигнуты были теперешніе Москворѣцкій и Чугунный мосты. Обстроились и частные дома. „Красивые новые фасады замѣнили собою старые", писалъ Растопчинъ [1].

А за новыми фасадами потекла старая, беззаботная, привольная дворянская жизнь. Черезъ какихъ-нибудь два—три года Москва уже напоминаетъ „прошлую старинную шумную веселость" [2]. Реакція послѣ пережитыхъ ужасовъ вызывала потребность и жажду мирныхъ и „общежитейскихъ" удовольствій: еще не кончилась война, какъ возобновились публичные балы и маскарады; въ Собраніи затанцовали, „плясали, какъ угорѣлые" [3]. Въ январѣ 1814 г. театръ Позднякова, еще недавно видѣвшій въ своихъ стѣнахъ гвардейцевъ Наполеона, не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. На Тверскомъ бульварѣ, среди обгорѣлыхъ деревьевъ, на фонѣ развалинъ сожженныхъ домовъ, возобновились обычныя гулянья, на которыхъ два раза въ недѣлю высшій свѣтъ собирался слушать музыку [4].

Въ частныхъ домахъ, по прежнему, „балы нельзя богаче,
„Отъ Рождества и до Поста,
„А лѣтомъ праздники на дачѣ".
Общество не измѣнилось; интересы, вкусы, привычки „хоть стары
„А продолжали вѣковать,
„Преодолѣвъ и моды и пожары".

---

1) Свѣдѣніе о работахъ по благоустройству Москвы послѣ пожара см. въ Сб. Щукина, а также въ письмахъ Растопчина къ Государю.

2) Слова. Вигеля.

3) См. письма М. А. Волковой къ Ланской.

4) Зап. Вигеля.

Приглядываясь къ этому обществу, мы легко убѣждаемся, что въ немъ все по старому: „все тотъ-же толкъ, и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ“. Исчезло безслѣдно даже ожесточеніе противъ французовъ, къ негодованію Растопчина: „Манія къ французамъ“, писалъ онъ въ январѣ 1814 г.: „не прошла въ Россіи; 1812 годъ не излѣчилъ глупцовъ изъ дворянъ отъ пристрастія къ этому проклятому отродью“ [1]). Воспитанье, основы культуры брали верхъ надъ временными настроеньями, и „въ городѣ, который нашествіе французовъ недавно превратило въ пепелъ, всѣ говорили языкомъ ихъ“ [2]).

Двѣнадцатый годъ промелькнулъ, какъ страшный кошмаръ, какъ неясный, но тягостный сонъ; подъемъ, вызванный несчастіемъ, смѣнился обыденщиною, и обиходъ московской жизни, нарушенный набѣгомъ Наполеона, вошелъ въ свою колею. Дворянская культура Москвы пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы такъ легко разрушиться отъ удара постороннихъ силъ. Эта культура питалась соками нетронутаго войною крѣпостного чернозема, и, какъ долго онъ былъ цѣлъ, она не теряла ничего въ своей силѣ и красотѣ: „Пала Москва!“ писалъ Трощинскій Кутузову:... (но Россія) скоро подыметъ падшую столицу свою, покажетъ ее удивленному міру еще въ большемъ велелѣпіи и славѣ и удостовѣритъ его тѣмъ, что богатства и силы наши неистощимы; ибо они существенно отъ изобилія земли нашей происходятъ, а не заимствуются за мечтательно драгоцѣнный металлъ... Москва есть Россіи загородный домъ, было-бы село цѣло и гумно, недолго пепелище покрывать будетъ господское подворье“ [3]). Поэтому, если современникамъ и казалось, что нашествіе Наполеона нанесло непоправимый ударъ дворянской Москвѣ, то они обманывались, они дѣлали ошибку перспективы; иныя, болѣе сложныя причины привели къ разоренью дворянскаго землевладѣнья, а съ нимъ и къ упадку дворянской Москвы, и лишь по мѣрѣ того какъ закладывались родовыя вотчины, какъ падала производительность латифундій, и возраставшая потребность въ „мечтательно драгоцѣнномъ металлѣ“ все менѣе удовлетворялась примитивными формами натуральнаго хозяйства, исчезала дворянская Москва съ ея своеобразными формами. Двѣнадцатый годъ тутъ не при чемъ, какъ не пресѣкъ онъ роста торговой Москвы и не отразился на развитіи ея купечества.

---

1) Письмо Растопчина къ Государю отъ 19 января 1814 г.
2) Зап. Вигеля.
3) У Щукина въ Бумагахъ, относящихся до войны 1812 года.

